

ТЮМЕНЬ Литературная

...Вечор, ты помнишь,
вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

А. С. Пушкин

Газета писателей России и Русского Зарубежья

RUSSIA № 6 (48) 1998 TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Фото Ю. Чернышева

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободу и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более чем когда-либо подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание.

Иван Ильин
«О русской идее»

«Ах, Родина», — я тихо произнес
И распахнул рубашки белой ворот.
Всего два слова — а щемит до слез,
Всего два слова — а опять я молод.
И раньше в белострунный березняк
Входили люди, вглядывались в дали
И тоже волновались точно так,
И точно так молитвенно шептали.
Несчетно раз слова повторены
В одном и том же радостном порыве,
Но столько в них для сердца новизны —
Как будто я их произнес впервые.

Александр Романов

ОБВАЛ

Холодный, обвальный, пронизывающий сыростью день. Летное поле Внуковского аэропорта в серых, таких же холодных, хлюпающих под торопливыми шагами дождевых потоках и лужах. Самолет, плюхнувшись в мокреть бетонной полосы, зарылся в сизый туман, пробежав свой тормозной путь, угрюмо затих перед зданием унылого, когда-то правительственного здания аэропорта.

И это, господа, август!

Я всегда любил приезжать или прилетать в Москву в теплую августовскую пору, Москву, встречающую — в динамиках самолета или поез-

да — бодрящими мелодиями, предвещающими праздник свидания с русской столицей-матушкой.

Не то нынче. На привокзальной площади, где густо иномарок с затемненными стеклами, кого-то встречающих или тоскующих в ожидании денежных новорусских клиентов, нынче попахивает мафией, чужбасами, вконец обанкротившейся «демократурой».

Падают, прищелкываясь к асфальту, кленовый лист, похожий на желтоватый, когда-то устойчивый при любых катаклизмах, дореформенный рубль.

Благо, что встречают хорошие люди, и мы напористо вклиниваемся в кавалькаду легковых и автобусов, стремящихся поскорее попасть в город.

Все чаще возникают дорожные пробки, плачевные груды смятого железа бывших сверкающих «Тойот», и «Вольво», отечественных «Волг». Все, как в ежедневном телевизионном действе происшествий, в репортажах из «горячих» точек. Дорожная милиция в высоких «австрийских» ботинках и умопомрачительных швейковских «кепи», выглядывающих из-под мокрых капюшонов, «разгребают» эти привычные автодорожные «чрезвычайки», увещевает виновников, оказывает подмогу пострадавшим.

Август, август! Добрый, румяный, яблочный месяц года. С летящей паутиной, теплым увяданием картофельной ботвы на огородах, дуновением приближающейся «унылой» пушкинской поры, когда сама душа двигает пером по бумаге, готовая вот-вот услышать журавлиные клики из прохладного поднебесья.

И эту прекрасную русскую пору года так подло испохабилы отечественные «демократы»? Помнится август девяносто первого... Картонные баррикады защитников «белого дома», инфантильное ГКЧП, которое победил даже суетливый виолончелист с «калашниковым» на рыхлой грудке и с развевающимися фалдами фрака. Помнятся три несчастных отрока, полезших на гусеницы бронемашин под улюлюканье накачанной водкой и наркотиками толпы — перелуганных нуворишей и проституток, оболваненных «свободой» московских обывателей, помнится ельцинская эйфория на танке рядом с «державными» ликами Хасбулатова и Бурбулиса, неандертальским лбом Лебеда, какого-то Кобеца и прочих, отправленных ныне «всенародным» на эвковские нары...

Ленинский проспект в мокрети и прилавках блошиных рынков. Все что-то покупают. Какое там! Растаскивают с прилавков под метелку. Напугались сытые москвичи: обвал! Финансовый. Капут всему?! Куда-то исчез, говорят, всем любезно кивавший вундеркинд Кириенко. Отечество под временщиками «цицерона» Черномырдина. Этот опять желает в законные премьеры. Дума неистовствует. Как всегда, ищет кому повыгодней продать — «жирик». Стоек Зюганов: «Никакой поддержки временному правительству!». Блестящий в металле Юра Гагарин, опустив недоуменно руки, стоит посредине Ленинского проспекта, взирает на соотечественников. Неловко космическому герою. У подножия его пьедестала тоже шумит рыночная толпушка.

Вспоминается строчка фронтового поэта Василия Субботина: «И ярмарку устроили они на площади омытой нашей кровью». Это об американских солдатах-союзниках в Берлине сорок пятого. Как похоже! Американизировались нынче и мы,

«россияне». Настоящие русские, где вы? Все торгуют. И все же большинство ликов торгашей — кавказские...

Поселяюсь в отель «Южный» на Ленинском. Сюда обычно с «бронью» направляли литераторов, когда мы приезжали на свои редкие собрания-форумы. Нынче свободно, без проблем. Одноместная «каютка» с телефоном стоит 100 рэ в сутки. По столичным меркам — недорого. Главное — телефон, можно быстро связаться со знакомыми, приятелями. Столько ведь связано с Москвой! Но вот давний товарищ из «Литературной России» откликается почти враждебно: «А-а-а... ВСЕ вы, сибиряки, коварные люди!». Это как понимать — ВСЕ? А как хочешь! «Зарапортовались» что-то ребята из «ЛР»? И тут припоминаю, что совсем недавно один наш знаменитый сибирский писатель добровольно и отнюдь не «случайно» ушел из редколлегии еженедельной газеты. Не случайно, да. А ведь хорошую когда-то газету поднял незабвенный Эрнст Сафонов. Боевую, стойкую, неподкупную. А теперь — что же? От русской литературы на страницах «ЛР» — «соха» Якутии, «борона» Бурятии и «хорей» тундрового Ямала... Бог им судья...

В Правлении СП России наше литературное начальство пристально следит по «ящику» за курсом доллара. Понимаю, из любопытства, «зеленые» при нынешней бедности писателей и у начальства вряд ли когда ночевали. Смотрят. Нынче везде и всюду все смотрят и следят. Делать что-то надо! Хоть словом. Другого «оружия» у нас просто нет...

Вечер собирает нас, друзей-единомышленников, в мастерской скульптора Петра Чусовитина. На Красной Пресне. Судя по работам, Петр Павлович может многое. Талантливо может. Он только что вернулся из Екатеринбурга — пятнадцать месяцев трудился над созданием монумента основателям города. И вот, как пишут газеты, как рассказывает скульптор, встал он, монумент, одиннадцать метров высотой, в исторической части уральской столицы.

За вечерним чаем — и отважные создатели и издатели боевой газеты «Пульс Тушина», мои давние друзья — поэты Владимир Фомичев и Владимир Степанов. Фомичева, редактора «Пульса», долго таскали по судам, измывались, третировали за позицию издания, за слово в защиту Отечества. По наветам сионистских «доброжелателей». Выстоял, но какой ценой... Об этом в его книжке «Суд над русским...».

Ребята, завершим «чай»! Пойдем к «белому дому». К святым его полянам, где в октябре девяносто третьего насмерть стояли против беззакония властей лучшие наши соотечественники. И полегли под пулями и дубинками многие.

Старая Красная Пресня. За спиной, чуть левее, сталинская высотка со шпилем. Тесные улочки, переулочки, дворики. Здесь вот занимал позицию озверевший ОМОН. Здесь вот двигались толпы людей. Где тут развернешься. А вот и поляны. Памятная часовенка. Поминальный столик. Высокая стелла с фотографиями погибших. В большинстве молодые лица. И — дети. На ограде стадиона, возле которой «победители» добивали раненых и пленных, надписи «черного октября», импровизированная могила, посвященная Ельцину: «Будь ты проклят...».

Над деревьями, в свете прожекторов, айсберг того самого расстрелянного «белого дома», нынешняя резиденция правительства. Тихим и неожиданно маленьким предстал Горбатый мостик с россыпью на его плитах шахтерских касок. Рядом палатки, которые сторожат ночные караульные. Спит шахтерский лагерь протеста. Не спят все те же плакаты-надписи с проклятиями режиму. И вторая импровизированная могила «всенародного» с крестом, перевитым колючей проволокой.

«Вон у того подъезда третьего октября 93-го мы выстраивались в очередь за получением оружия. Так верилось... Оружия не дали, — говорит один из нас в ночном прожекторном сумраке.

Спит утомленная «обвалом» Москва. Вся Россия в обвале. До Тюмени пока, знаю, не добрался он в этот ошеломительный «демократический» август. Доберется...

Но жизнь идет. И прилетел я в столицу на встречу с дорогими моими друзьями, с русскими патриотами из Зарубежья, последним «рубемом белой России». «Красные» или «белые» — мы русские. И мы сегодня — не враги. Одна у нас судьба — наша Россия.

Завтра увидимся, обнимемся, троекратно расцелуемся. (Материалы о встрече читайте на 24-28 страницах настоящего номера «ТЛ»).

...Дописываю эти строки в октябре. Мало что изменилось за прошедший срок в Отечестве. И хоть брезжит малая надежда на перемены во всех сферах жизни — без надежды не было бы и жизни! — русская трагедия продолжается.

Николай Денисов

Через тридцать лет...

Из романа «И всюду лик коня»

Об этой парочке разные по деревне ходили слухи. Многие жалели Натали, многие осуждали: где у нее глаза-то были, когда выбирала себе жениха? Но из всего этого словесного сора можно было составить для себя вполне определенную картину. Семья не семья, а вот ведь сошлись, и река им нипочем, если задумают позднюю встречу. Пахан перебирался в иные дни с того берега чуть ли не вплавь, позабыв о той смертельной по весне круговерти, как будто она не оставила в нем никакого страха. Только Власик, сопровождающий его, разведет, бывало, костерок да и сидит на берегу, ожидая утреннего парама.

«Кому не спится в ночь глухую?» — потешается над Власиком насмешливая ребятня, а он и ухом не ведет. «Притих там, сука, как Ермак, — блеснет металлом Деряба, — и хрен его простудишь. Эй, кондон, пивка не хо-хо?». Но Власику было не до смеха.

Между тем гусь да гагарочка продолжали встречаться, и Пахан приезжал в деревню досиня выбритый и надушенный крепким одеколоном.

— Хозяин у нас богат: после бритья использует дорогой одеколон, — говорил Пахан, — а я — тройнику. Идешь по улице, и все алкаши чихают.

Он, говорят, любил вести с Натали полулагерные и полупьяные разговоры, объясняя это тем, что хотя он и не в лагере, но лагерь в нем самом, будто в Дерябе.

— Да, он во мне, — клялся Пахан, — и опутан той же колючей проволокой. Ты что, не была в лагере?

— Нет, не была, — поражалась такому вопросу Натали. Это все равно если б ее спросили, была ли

она на войне? «Нет, не была», — ответила бы потрясенная девушка.

Он «подобрал» ее глупой и наивной. Как-то сидели на берегу реки и выпивали. Натали смотрела-смотрела на Власика да и не выдержала — обратилась шепотом к Пахану:

— А почему у него нос красный? У всех, когда выпьют, все лицо жаром обливается, а у Власика — только нос... Почему так?

— Тем и отличаемся мы от масс, — усмехнулся Пахан. — Одним словом, личности.

Иногда Пахан нервничал без всяких на то причин, он срывал свои скрытые обиды на невесте, стараясь укунить ее побольней.

— Ты хороша, но красота твоя меня не греет, — говорил он. — А иной раз гляну и подумаю: господи, как я бездарно прожил свою жизнь, если так поздно встретил тебя! Но нет, одумаюсь и говорю: я много раз влюблялся и пора бы мне понять, что женщины — это как перекладные лошадки: те же муки и трудности в пути. Зато глубокой любви нет.

Но смертельную обиду он нанес Натали, когда рассказывал ей о пьяной партии баб, завезенных вертолетом на станцию.

— Понимаешь, кругом — лес, а они ползают и визжат по-дикуму. Люблю смотреть на пьяных женщин, — смаковал Пахан. — Точно в джунгли попадешь, где обезьяны да прочие хищницы. Да, да, одни инстинкты. И ты, моя обезьянка, выпей: я хочу посмотреть тебя в деле.

Натали, проводив его за ворота, бросилась к реке. Она хотела утопиться, как Екатерина в какой-то грозе. Однако по берегу в эту пору ходил дядька, возвращаясь с рыбалки, и, поняв, в чем дело, одернул Натали:

— Зря куражишься, — сказал он, — сия басня устарела, да и не по сюжету совсем работаешь.

Натали удалось спасти. Пахан же, узнав об этом, стал к ней относиться внимательней и нежнее, как к малому ребенку.

— Ходи по моему сердцу в обуви, — разрешил он ей. — Я не запрещаю. Рань меня каблучком тупельки...

— А ты мне купил их, тупельки-то? — огрызнулась мстительная женщина! — Поначалу купи, а после уж дозволяй ходить по твоему деревянному сердцу.

— Ты че, в обиженку? — насупился Пахан. — Скажи, кто тебя обидел, чтоб я знал, кого мне предстоит зарезать.

Когда Натали забеременела, Пахан попытался отделаться от нее. Он как-то подвыпил и прогив своей воли понес дядькину ахиною, никакого отношения к Натали не имеющую. Даже бабки в деревне божились: «Да она ж деушшка! Неуж он, кобелина такой, не расчужал этого, когда изгалялся над ней?». Но Пахан был упрям в личных суждениях на дядькин лад.

— Что есть женщина и ее грех? — говорил он, не стесняясь девушек, живущих в доме с невестой. — Женщина имеет право на две ошибки: первая — неудачное замужество, вторая — еще одна попытка прорваться к личному семейному счастью. Не вышло, значит, успокойся. Потому что последующие встречи — распущенность, и не нужно оправдывать животные страсти.

— Заночуешь, бывало, у какой-нибудь двадцать раз неудачницы, — продолжал он, — а после глаза закроешь и видишь: кроме тебя, в этой спальне стоит столько народу, что даже двери трещат. Битком, как в автобусе. Плечом к плечу, кобель к кобелю...

— Но ты-то у меня первый, — разрыдалась Натали. — Как ты так можешь?

— Не рыдай! — заводился Пахан, ничего не соображая спяну. — Не люблю этого! Натали? Женщины? Нет, я завязал со своим преступным прошлым...

— Я беременна, — пыталась остановить его Натали. — Как ты можешь, если у меня будет дитя?..

— Я завязал! — уперся Пахан. — Хватит сорить детьми. Из моих детей, разбросанных по стране, и без того хоть суп вари для зэка.

Только поздней ночью, когда она его обласкала да отпоила клюквен-

ным отваром, Пахан успокоился. Он лежал на постели, твердый и размашистый, как могильный крест, решив вздрагивающей женщине припасть к своему плечу.

— Я люблю тебя, — рыдала переполненная нежностью Натали. — И будущего ребенка люблю. Так люблю, что, кажется, сердце лопнет. Оно ведь такое маленькое, а чувств, чувств... Но я все выдержу, даже если придется родить четверых.

Пахан уже спал, и во сне ему, быть может, снился Власик, ожидающий на том берегу реки первого паромы. Ни по кому у него не бодела душа.

И совсем не снилась ему Натали, заметно спавшая с лица. В синих ободьях вокруг глаз она ходила, точно в очках от солнца, подаренных ей Паханом. Ее все жалели и вздыхали, глядя вслед. И мне хотелось погладить ее по голове, приласкать, пожалеть, как сиротку. Но это было невозможно, и тогда я решил: наломаю сирени да черемухи, полыхающей по всей округе, и ставлю у нее на подушке, чтобы, вернувшись из школы, она могла улыбнуться своею нежною улыбкой.

— Турнула бы его, дура! — ворчала фельдшерица, ненавидящая Пахана. — А то вот я бы сижую, а он за простульку ко мне... да еще с грубостью! С чего это я бы терпеть-то стала? На фига!

А милосердный Окунь вообще хотел сбить Пахана машиной. Он разогнался, выцелив Пахана, и уж глаза прикрыл, ожидая удара, как вдруг машину подбросило и она, взревев над припаромком, плавно завалилась в речку. Пахан стоял на пароме и с сочувствием поглядывал на Окуня, барахтающегося в пенистой воде.

— Да ты, брат, как из пивной бочки вылез, — подал он ему руку. — Перепил, что ли?

— Если б под «мухой» — проскочил, — как бы оправдывался дядя Саня. — В том-то и дело, что потрезвому угробил машинешку. Теперь в слесаря переведут. Лучше бы пил до посинения и не дрожал за эти поганые права, — тряс он размокшей от воды книжицей. — Не жизнь, а сука.

И дядю Саню мне было жалко не меньше Натали. Но я ничем не мог ему помочь. И тогда, видимо, с отчаяния ко мне пришла дикая мысль: «Есть ружье, есть патроны — так

почему я не могу застрелить Пахана?».

Но эта мысль была случайною, и выветрилась из моей башки с первой же затяжкой крепкого «охнарша».

А Натали продолжала встречаться с Паханом и всем, по поводу и без повода, нахваливать, дескать, какой он у нее хороший да сердечный, да умный-преумный, да верный-преверный, да... В этом она перещеголяла даже саму бабушку Шуру, которая и при Сталине, как поговаривали, не жила с закрытым ртом.

«Любовь зла...» — усмехались старухи и украдкой крестились, прислушиваясь к звону школьного колокола.

Праздники убралась с глаз. Давненько уж народ не собирался ни на деревенской площади, ни на стадионе — в последний раз, правда, отмечали родительский день на кладбище, где мы до отвала наелись всяческих сладостей. Селяне почему-то стали собираться в избах, а «пришельцы» пьянствовали в саду, глуща «хрущевку».

И здесь мы подметили: если прежде мужики соображали на троих и за одной бутылкой могли просидеть и проговорить до самого вечера, то теперь вино закупали ящиками. Трое ли вас, четверо, но ящик бери и не грехи. «Хрущевка» лилась рекой, что было нам, конечно же, на руку: чем больше пустых бутылок, тем больше денег у нас, на которые мы покупали в аптеке плиточный гематоген и глюкозу. Так и мечталось: пейте, мужики, а нам — лафа... И мужики пили, снабжая нас деньгами.

Сегодня они собрались под церковной стеной, притащили два ящика «хрущевки» и вдобавок к этому прикатили бочку с пивом. Когда она выстрелила, заливая желтоватую мутью свежebelенную стену церкви, мы с облегчением вздохнули: началось! Теперь нужно было поиграть в лапту либо в ножички хотя бы часа полтора, чтобы после собрать небывалый «урожай»: сорок пустых бутылок — почти что пять рублей. Таких денег не заработаешь и за три дня в горячую сенокосную пору...

Компания мужиков гудела под нашим строжайшим надзором, а мы играли в лапту. Народу собралось с избытком, и все почему-то не в

меру суетились, навешивая красивые «свечки» и закрывая нам обзор. Когда побеждали и владели мячом, то совсем теряли из виду своих «содержателей»: что они там и как? Не бьют ли о стену пустые бутылки?.. И лишь тогда успокаивалась душа, когда приходилось голить в поле: стоишь чурбаном, а глаза на затылке: ну да, кажется, сидят и не бьют посуду.

К обеду мы отделились от всей этой гикающей и мешающей делу братии — играли в ножички, чтобы перебраться поближе к компании Пахана. Игра была простой: делили круг на двоих и, метая складешок, пытались вытеснить из этого круга соперника. Вот я отрезал у него пяточок, еще пяточок, еще... и, глядишь, он уж стоит на одной ноге: больше у него нет земли, как у того крестьянина из учебника по истории, и он проигрывает. После меня подводит рука, и ножик, воткнувшись в чужую землю, падает... Что же будет дальше? А ничего не будет... Просто соперник, точно озверев, начнет бить и резать намного точнее меня и через пять минут расправится со мной, как с окурком. Все, он меня вышиб из круга — кто следующий?

— Мужики, с кем играть? — подошел к нам Пахан. — Ставлю пару бутылок «хрущевки». Идет?

— Идет, — согласились мы. — Только нам бы пустые бутылки или — деньгами.

— Че же так жидко? — ухмыльнулся Пахан, доставая из кармана свою битую складешок. — Я могу дороже заплатить за проигранную партию.

— Мы ведь не пьем, — ответили ему. — А если не пьем, то зачем нам «хрущевка».

— Ну, давайте, — согласился «пришелец». — Ставлю пятерку... мелочью.

В случае, если наш человек проигрывает, Пахан обещал не брать с него никакого долга.

Но Пахана самого разгромили в две минуты и он, сильно покачиваясь, отправился к пивной бочке.

Вскоре он принес нам трехлитровую банку пива и несколько бутылок «хрущевки».

— Не пьете? — переспросил он. — А вы попробуйте. Это истинный кайф!

— Лучше «охнаршей»? — удивился Шаньга.

— «Охнарыши» — это отрава, — кивнул Пахан. — Лучше пить, чем курить. Об этом помните всегда, юные мои кореша.

Заинтригованные его словами, мы перетащили свой «выигрыш» в кусты и решили снять пробу.

— И вправду, робя, — захохотался Шаньга, — и вправду — это истинный кайф!

«Хрущевка» пила легко, точно мы пили не «бормотуху», любимую всем народом, а обыкновенный квас. Только квасной хмель не ударял в голову, делая тебя таким вот мотающимся и облегченным, удивленно-задиристым и разговорчивым, когда ты можешь смеяться без всякого на то повода. Покажи тебе палец — и закатился, падая на траву. И кружишь, и плаваешь по земле, и кричишь из этакой невесомости, как из космического пространства.

Мы обнимались, целовались и, как пьяные мужики, выкрикивали друг другу:

— Ты меня уважаешь? Ты меня уважаешь?... — и опять обнимались вполне по-родственному.

Но Шурику показалось, что я его не совсем уважаю, и он, достав из кармана складешок, воткнул его в землю:

— Клянись, что ты мне друг! — проговорил он заплетающимся языком. — Клянись вот на этой «пике». Иначе я уйду и никогда не буду с тобой дружить.

То, что ножик — «пика», мы слышали от Дерябы. Но я никогда никому не клялся на «пике», мне проще было проглотить целую горсть земли. Шурик решил иначе: землю могут жрать все, а вот на «пике» поклясться — это удел сильных и верных друзей, сходящихся на всю жизнь.

— А после этого — бежим? — задирился я, разглядывая с прищуром Шурика. — Не сдрейфишь?

Шаньга подполз было к торчащей из земли «пике», но Шурик оттолкнул его ногой:

— А ты куда, жирная харя? Ты слишком прожорлив и жаден, чтоб делиться в побеге последним куском хлеба. Я с тобой не братаюсь.

Шаньга не оскорбился даже, отполз к пивной банке и стал дуть из нее хмельную жидкость.

— Клянись, что ты никогда не предашь меня, — диктовал мне Шурик, — что никогда не бросишь в беде, никогда ничего не пожале-

ешь, как жид — все поровну! Клянись, что ты будешь мне братом, другом...

— Клянусь, что буду тебе братом, другом...

Мы ползали вокруг воткнутого в дерн ножа и выговаривали торжественные слова нашей клятвы. Иногда мы бросались друг другу на шею, обнимались, целовались — и уползали на новый круг. Я впервые почувствовал в Шурике близкого мне до одури человека, способного на огромную дружбу. Да с таким братом и другом я готов был бежать хоть на Северный полюс или в Америку — налегке, без провизии и ружья...

— А ружье я ему не отдам, — мычал я, вспомнив о Васе-тирщике. — Попробует отобрать — застрелю. И ты мне поможешь в этом, брат.

— Помогу, — соглашался Шурик. — Мы его хоть из рогатки... По любому глазу.

Вскоре нас начало мутить. Шурик переблевался, потемневший и сразу же спавший с лица. Его пытались отпаивать пивом, но он отчаянно упирался:

— Не хочу квасу, не хочу! — кричал он, ползая в блевотине. — «Хрущевки» хочу. Где «хрущевка»?

— Идемте к Пахану, — предложил Шаньга.

Хмельные и осмелевшие, мы отправились к тому месту, где под стенами церкви-красавицы гуляли «пришельцы», опустошая пивную бочку.

— Не дадут пару бутылок, — хрипел Шурик, — отберем... И на хрен! Ты, Шаньга, не трусь... С нами не пропадешь.

Мы вывалились из кустов с такой решительностью, как будто и вправду могли отметелить хамовую и порядком подгулявшую мужицкую компанию.

...Мужики валялись вповалочку. Кто-то лежал на боку, кто-то на спине. На жаре их разморило, и, выпив ничуть не меньше, чем пили всегда, они «вырубились».

Один ящик был пустым, из другого же поблескивало несколько белоголовых бутылок, не осиленных братвою. Вот к этим бутылкам и направились мы, стараясь не шуметь, — на цыпочках, как по школьному коридору, когда всюду еще идут уроки...

— Штуки три сопрем — не заметят, — прошептал Шаньга. — Не надо жадничать.

— Ты, жид, молчи, — одернул его Шурик. — Мне одному нужно три, и я их возьму. Поал?

Соглашаясь с братом и поддерживая его, я кивнул головой:

— И я две возьму! А Шаньга... этот пускай папиросы из них вытрясет, а то зобать охота — слюнки текут.

Мы приблизились вплотную к этому спящему царству. И когда уж я наклонился над ящиком, чтобы выдернуть из него обещанную папочку, кто-то из спящих захрипел, да так неестественно, что я оцепенел, точно набрел на гадоку, шипящую под рукой.

«Власик? В крови?... — выворачивало из меня перетрусившую душу. — Бутылка торчит из горла?... А может быть, это какой-нибудь фокус?...»

— Робя, — прошептал я, приседая за ящиком. — Смотрите: Власик захлебнулся кровью.

Власик лежал на спине, откинув тяжелую голову. Из его горла, где-то ближе к ключице, торчала бутылочная головка, и через нее, посвистывая, выходили кровавые пузырьки. Они лопались и густою слизью сползали по стеклу — на шею и рубаху Власика. Поначалу мне показалось: Власик заглотив бутылку, чтобы испугать нас фокусом, да и подавился ею. Но через какой-то миг я уже с ужасом осознал: если кровь выдыхается из горлышка, значит, нет никакой бутылки, и он дышит через это горлышко, как через трубку. Об этом же подумали и мои друзья, оцепеневшие в ужасе.

Да и дышал ли он, Власик? Пахан дышал, и грудь его то вздымалась, то опускалась, извергая немислимую хрипоту. И остальные «пришельцы» дышали, так же хрипя и вскрикивая в бреду. Значит, Власик уже умер.

— А может, это не кровь? — осмелел вдруг Шаньга. — Может, это «хрущевка» залила ему шею и рубаху?

— А ты проверь, — очнулся Шурик. — Ты же смелый, проверь. Ну, чего ты ждешь?

Шаньга хмыкнул и пополз к стене, возле которой распластался окровавленный «пришелец» — самый спокойный и безобидный из всех мужиков, наезжающих в нашу деревню.

Шаньга склонился над ним, о чем-то подумал и пальцем смахнул застывший на срезе бутылочного

горлышка пузырек. Потом поднес палец к языку, облизал его и, оглянувшись, с удивлением произнес:

— Ага, кровь!..

— Они его зарезали, — съезжился Шурик, кивая на спящих. — А если придут Дима-мент с Васей-тирщиком?..

Разом протрезвев, мы сорвались с места и напрямиком через кусты помчались к дальнему концу сада, где густо росла черемуха. Только здесь можно было пересидеть приход местной милицейской гвардии и, что главное, все увидеть: вот они придут, вот обнаружат убитого Власика, вот растолкают похмельную братву и, вынув пистолеты, поведут ее к выходу. А Зинка, вызванная из своего медпункта, будет рыдать и биться над убитым Власиком — говорят, она его любила...

Но я-то покуда видел совсем иную картину. Милицейская комната, допрос, наручники, сырая-пресырая яма, куда меня спускают по веревке, плачущая мать... Нет, мать подходит с клюкой и размахивается сплеча, чтобы шарахнуть меня по башке. Я прикрываю глаза и ору диким голосом:

— Это не я убивал, — ору я. — Не бей меня, не бей!.. Ты ведь знаешь, что я не мог, не мог убить!..

— Менты! — толкнули меня — кажется, в шею и, кажется, Шурик. — Бежим отсюда! На речку!

Продравшись сквозь густущую черемуху, мы, не чуя ни ног, ни рук, перемахнули через забор и опрометью кинулись в ту сторону, где начинался спуск к реке.

В береговых ямах нас мутило и рвало, тошнота не отпускала. Даже курить не могли... Точно не «хрущевку» пили, а власикову кровь.

Промучившись до вечера, мы решили возвращаться домой поодиночке.

Возле нашего барака толпились люди. Они о чем-то негромко переговаривались, и только Витя-безногий, разъезжая по двору на низенькой коляске, изливался густым басом:

— Ну, кого будем хоронить завтрашним днем?

— Кого зарежут, — отвечали ему.

— А кого зарежут?

— Тебя... И так может быть.

— Нет, я живуч и вечен, — басил Витя-безногий. — Как всякий

калека и как вся Россия-матушка. Я из лагеря бежал зимой, — продолжал он, — поморозился до смерти, но однако у меня лишь ноги отхватили. По самый, так сказать, кисет. Но ведь я жив, я живу... Я — фотография России, живучей и вечной, мать твою за ногу! А вы меня собрались резать и хоронить? Кукиш!

Моего имени не называли. Не было среди звучавших во дворе имен и тех, что носили мои товарищи-братья. И я спокойно мог продолжать свой путь: усталость — дай Бог добраться до своего щенячьего угла.

— Нет, я живуч и вечен, — будто клялся извечному соседству Витя-безногий. — А вы меня резать? Ах вы, суки вербованные, ах вы!.. — разошелся он, подражая Вовкиной матери. — И больше я вам ничего не скажу.

— Слава те, господи, — притворно перекрестилась Вовкина мать. — А то разошелся худоменький — собесу не перекричать.

И Витя-безногий, глянув на часы, рывками погнал свою скрипучую «лошаденку» к пивному выпасу.

«...Как это можно убить человека? Сроду такого не было, и все это, знать, «хрущевка» проклятушая, — говорила, вздыхая, матуха. — И ты не ерпенься: ружье-то Васе-тирщику занеси поутру. А то гляди у меня!..».

Этого намека было достаточно для того, чтобы не откладывать до следующего раза. «Ну да, — решил я, — теперь-то уж точно сбегу».

По-дикому ржали кони, затерявшись в темных лугах. Я бежал на это ржанье, как на спасительный зов и, кажется, различал в кромешной тьме их чистые лики.

По воде шлепали весла. Кто-то с лендой вел свою лодку вдоль берега и тихонько напевал:

«Хороши вечера на Оби,
ты, мой миленький, мне подсобил...».

Этот «кто-то» был счастливее и спокойнее меня. Зато я необратимо понял, что жизнь — это смерть, и никогда бы не попросился к нему в лодку.

г. Тобольск.

Новые стихи

Андрей Тарханов

Богиня Юча¹

Рыжие сосны Ай-Пима²
Нынче явились во сне.
Предзоревые вершины
В ласковом красном огне.
Вьется тропа ветровая,
Мчится навстречу огню.
Где ты, богиня лесная,
Выйди ко мне на лыжню?
Знаю — слынешь невидимкой
Ты в суетливом мире.
Тихо живешь на заимке
В рыжем сосновом бору.
В небе — мелодия скрипки.
Вижу — стоишь на лыжне
В беличьей скромной накидке
И улыбаешься мне.
Юча, посланница мая, —
В темных раскосых глазах
Много восторга и боли,
Взятых в осенних лесах.
Ты не скрываешь волнения,
Ты восхищаешь рассвет:
— Я подарю вознесенье,
Я заколдую от бед.
Верю в порыв твой, богиня,
В милый таежный уют.
Рыжие сосны Ай-Пима
Нам за окошком поют.

Забытый щенок

Похож на ежа он и ликом,
и статью,
Совсем малышок и... в ужасной
беде.
Не знает, что мы —
его старшие братья,
А сами забыли о том в суете.
Он бродит потерянно
возле киосков.
Наверное, ищет свою конуру?
Он в мире огромном, жестоком
и скользком
Сегодня похож на хвоянку в бору.
С рожденья уже никому он
не нужен.
Судьба покарала его ни за что.
Погибнет от голода, или от стужи,
Вернее всего — от удара авто.
Где люди — он там.
Видно, верит, что кто-то
Найдется, его от беды защитит.
Подходит автобус.
Как много народа!
Он в лица с тоскливой
надеждой глядит.

¹ Юча — добрая лесная богиня в мансийской мифологии.

² Ай-Пим — река, бегущая с Уральских гор.

ДЕД ФЕДОР И КОТ ВАСЬКА

Рассказ

Биография деда Федора проста, и ничем не примечательна.

Учился в школе, служил в армии, окончил институт, более тридцати лет отработал инженером на заводе. Сейчас пенсионер. Словом, жизнь прошла обычно, как у большей части граждан его поколения.

У кота Васьки биография тоже заурядная. Достался он деду Федору от знакомых библиотекарей, которые пригрили брошенную кошку. Та и давала приплод, обитая между книжных стеллажей, по несколько раз в год. Из последнего приплода дед Федор выбрал рыженького, с белыми лапками котеночка.

Да, у деда Федора старинная страсть к книгам, своих ему мало — все три комнаты заставлены стеллажами, вот он и посещал соседнюю библиотеку. Да что «посещал», более двадцати лет считался в библиотеке своим человеком. Меняющиеся сотрудницы быстро привыкали к своему постоянному читателю, знали его вкусы. Так получилось и с котом Васькой: когда предложили они деду Федору малыща, он охотно согласился. Не нравились ему кошки всякие там иностранные — австралийские, цейлонские, — по нраву были простые сибирские, с гладкой шерсткой.

Дед Федор, бережно припрятав котеночка под рубашкой на груди, нес подарок домой. Маленький нежный комочек тихо попискивал, а дед успокаивал, говоря о том, что, мол, хозяйка Прасковья Федоровна для приличия поворчит, но примет нас с тобой, куда не денется; до тебя благополучно жило несколько котов, ничего ладил... Но почитать, уважать ты будешь только меня — это факт, потому что мой запах и голос был впервые обращен к тебе...

Так вслух размышлял дед Федор. И перед тем, как перейти железнодорожные пути, опустил котенка на заросшую травой тропинку. Котенок пугливо прижимался к ногам деда, словно боялся, что человек вдруг оставит его одного в этом страшном, незнакомом для него мире. А дед Федор размышлял, как назвать котенка? Солнышко — не пойдет, долго выговаривать. Рыжик — тоже не то, Сирота... Э-э, что тут размышлять: все другие коты были Васьками! И этот пусть будет Васькой! Не надо нарушать традицию. Итак — Васька. Он позвал котеночка — Васька, Васька! — но тот уже умиротворен-

но сопел под рубашкой деда, уткнувшись влажным носом в теплую грудь хозяина.

Дед был верующим, православным, и появление нового Васьки привычно считал Божьим промыслом, благодатью для семьи: «Все в Боге, все для Него и все благодати через Него». Так Васька стал членом семьи деда Федора, общим любимцем. Но сам подрастающий кот отдавал предпочтение деду. Мог сидеть подолгу перед ним и смотреть на него влюбленными глазами. Дед баловал кота, отдавая из еды самое лучшее — ему! Когда домашние уходили на работу, дед и кот Васька затевали игры. Носились по комнатам до усталости. Первым уставал дед. И кот стихал, примирялся. Васька был умен, слово «ай-я-яй» было для него табу, он ни разу не ослушался, был не пакостливым котом. И дед Федор однажды глубокомысленно заметил: «У Васьки настолько осмысленный взгляд, что в нем отражается вся скорбь мира!».

Васька превращался в здорового и красивого кота, дед же, наоборот, с годами старел, усыхал. Мир для них все больше ограничивался квартирой, но иногда дед подсаживал своего любимца к форточке и тот осваивал новый обзор неведомого ему мира...

Однажды дед Федор взял своего любимца на улицу, когда выносил ведро с мусором. Рядом с подъездом благодаря добрым людям разросся садик: деревья, кусты, трава — все это было еще ново для Васьки. Дед Федор посадил любимца в траву и стал наблюдать за ним. Он отвлекся на какие-то мгновения, засмотревшись на белую бабочку, которая должна была привлечь внимание и Васьки, как вдруг возник большущий черный котиче, который подкрадывался к Ваське со спины. С защитой дед Федор вовремя не пошел. Котиче бросился на Ваську, когда тот был в самом благодушном, приятном настроении среди благоухающих цветов и трав. Боже мой, и среди котов подлецы бывают! Все произошло так молниеносно, что дед Федор и не чаял, как разнять этот ревущий, дерущийся клубок. Обычно коты, притязая на территорию, медленно приближаются друг к другу, угрожают голосами, пугают, и только после этого ритуала бросаются в схватку, меряются силами в честной борьбе. Дед Федор все же попытался разнять дерущихся, но ему не удалось. Васька в пылу борьбы вцепился ему в ногу, а тут еще прибежала овчарка и вовсе наделала переполоху...

После сего случая Васька понял главное: мир за пределами квартиры жесток, коварен и немилосерден! И всякая охота проситься на улицу у Васьки пропала. Он лишь чутко прислушивался к шуму деревьев за окном, к шагам проходящего народа. Его чутье было настолько велико, что за несколько минут до прихода хозяина он подбегал к двери и пытался просунуть лапу под дверь, громко мяукая, и все знали, что васькин тятя возвращается домой...

Обстоятельства жизни сложились так, что дед Федор приобрел в одном из поселков довольно далеко от города избу с приусадебным участком. Ездил туда, копался в грядках, выращивал овощи, картошку — все же приварок для семьи. Стал брать с собой и Ваську. В электричке кот мирно сидел в сумке, высунув мордочку наружу, но как только подходили огородами к избе, он становился агрессивным, беспокойным, рвался убежать — никакие уговоры не действовали на кота. В городской же квартире, среди близких ему людей и вещей, кот вновь становился покладистым, ласковым. Все это нельзя было объяснить только инстинктом, ведь инстинкт научил кота созерцать земное, он дарил ему целостный идеальный мир домашнего бытия до тех пор, пока он не почувствовал враждебность вне этого бытия.

Как-то деду Федору пришлось оставить кота Ваську на своей бедной «фазенде» одного. Получилось так, что необходимо было уехать в город на работу, — старик устроился сторожить в детском садике, — за два часа до отхода электрички он стал искать Ваську, кричал, умолял, но тот не откликался. Как сквозь землю провалился! Пришлось уехать в город одному. Конечно, он попросил соседей покормить Ваську, хотя и знал нелюдимость, необщительность своего любимца. Но такова была ситуация. Вернулся дед Федор только через два дня. Соседи сообщили, что кот появлялся после отъезда хозяина, но больше его не видели...

Месяц горевал дед Федор по Ваське, несколько раз приезжал в поселок, ходил, искал кота, расспрашивал людей, но никто Ваську не видел...

Но дед Федор верил: должен любимец объявиться! «Вера, — размышлял старик, — выше чувств, но никогда не противостоит, не противоречит им».

...Был конец сентября, когда за окном городской квартиры дед Федор услышал среди ночи жалобный кошачий плач. Васька! Дед Федор был уверен, что это он, его любимец плачет. И старик поспешно выбежал во двор. Васька, милый Васька, весь ободранный, худой, грязный, в засохших кровавых струях бросился к деду. Старик заплакал. Прижимая бережно своего Ваську, поднимался в квартиру. Лапы кота были стертые до крови. Как он шел, чем питался, как избегал встреч с собаками и недобрыми людьми?! Путь неблизкий — около сотни километров напрямую только.

Как все это объяснить? Какая мудрость способна постигнуть привязанность друг другу двух живых существ: человека и маленького существа — животного? Не знаю, не знаю...

Дед Федор больше не берет Ваську в свои дальние поездки на «фазенду», они потихоньку стареют, угасают и все реже придумывают в отсутствие домочадцев новые игры.

г. Тюмень.

Грибная пора

— А лета-то, нынче, почитай и не было, — задумчиво произнес Михаил Петрович, внимательнейшим образом рассматривая наполовину обглоданную куриную ножку. — Эх, — чему-то вздохнул он и вновь принялся за еду.

— Это так, — согласился с ним Василий Сергеевич, накалывая на острие ножа маленький маринованный гриб. — Вот, — кивнул он головой на банку, — прошлогодние маслята. А в этом году на две трехлитровые банки еле-еле наскребли. Пару раз за Увал ездили, только ноги набили. Немного моховиков, немного сыроежек, пару подосиновиков да трухлявый груздь — вот и вся добыча. Короча, Петрович, ты прав — лета доброго не было.

— А мне, мужики, два раза нынче повезло с грибами. Но чуть бабу при этом не угробил. Вернее, она сама чуть не угробилась. Действительно, грибов нынче мало было. Все лето шли дожди, а потом так жарить начало, что они в младенчестве еще засыхали. И вот в конце сентября позвонил мне приятель из Ялуторовска, мол, приезжай, люди белые берут понемногу, может, и нас удача постигнет.

День был пасмурный, и хотя гидрометецентр обещал день без осадков, пару раз начинал идти мелкий дождик. Поехали мы на двух машинах: я на своем «уазике», а Петр на «Ниве». Только свернули с асфальта к лесу, как на первом же поле встретили стаю тетеревов голов в пятьдесят-семьдесят, которые при нашем приближении перелетели на новое место. Что они искали на паровом поле, редко поросшем бурьяном, я не знаю.

Далее опять встреча с дикой природой. На озимых увидели косуль: четыре из них лежали, а одна стояла чуть поодаль. Подпустили они нас к себе метров на сто, а потом медленно поскакали к кустам на краю поля. У одной из них был «фартук» белого цвета, а у остальных — серого. При въезде в бор повстречали глухаря, чуть погода — копалуху.

Когда сделали первую остановку, я удивленно поинтересовался у Петра, отчего так много дичи. (А я был в тех краях впервые). Оказывается, там рядом находится заказник. Егерь покою не то что браконьерам, но и охотникам не дает. То солонцы просят изготовить, то сена завести на прикормочные площадки.

В общем, рыскали мы по тому бору, рыскали. То там возьмем пару грибов, то этак. Грибов мало, а грибников много. Видно по свежесрезанным ножкам, что недавно здесь уже побывали люди.

И вот наткнулись мы на одну полянку. Представьте себе: между лесной дорогой и, выделяющейся своим темнозе-

ленным покровом болотинкой, лежит зеленовато-сизый ковер ягеля, сплошь утыканный красно-коричневыми шляпками боровиков. По правде сказать, я и сам не припоминаю, чтобы в одном месте было столько белых грибов. Ну три, ну от силы пять. А тут хоть косой коси. Катя моя как увидела такую красоту, как заблуждала: «Ох! Ох! Ох!» и давай метаться по поляне. Я часом пожалел, что каски мотоциклетной с собой нету. Уж было решил ей на голову ведро надеть, а то сдуру она башку об сосну ненароком расшибет, а мне потом маяться.

Короча говоря, мы с ней нарезали четыре ведра эмалированных, да и Петя ведра три собрал.

А через неделю опять туда приехали. Уже пошли первые заморозки. Ягель с неприятным хрустом рассыпался под ногами. Листья черники приобрели окраску от бледно-зеленых до розовато-красных с черными точками. С болотин, обрамленных по краю белесыми растрепанными метелками кипрея, попахивало пряным запахом преющих листьев тальника.

На нашей поляне уже кто-то побывал до нас и срезал все грибы. Но мы нашли боровики в самой болотинке — западинке, которые прятались в сфагновых кочках, почти сливаясь окраской с ними. И что характерно — шляпка гриба небольших размеров, а ножка толщину равняется шляпке.

К обеду потеплело. Появилась мошка. Дятел настойчиво долбит деревья, добывая себе пищу. Рыжеватая хвоя мягко пружинит под ногами, источая неповторимый запах соснового леса. Вот эти две вылазки в лес мне и запомнились, а в остальные разы просто получились лесные прогулки.

Друзья впервые в этом сезоне выехали на охоту. Они устроились на обед в «уазике», приспособив под стол заднее сидение, предаваясь воспоминаниям о прошедшем лете. Ветки сосен, прогибаясь, раскачивались на ветру, не в силах сбросить шапки снега. Кругом лежал снег.

Борис Комаров

Осень за стеною, мокрый ветер
Барабанит по стеклу уныло.
Солнце про наш двор совсем
забыло,

Словно, кто крестом его пометил.

Господи, кому какое дело —
Радость или горе на душе!
Мы твердили: «Рай и в шалаше!»
Это даже в облаках звенело.

Времени тугую паутину
Разорвать не в силах даже плеть.
Как хотелось многое увидеть,
Получилось меньше половины.

г. Тюмень.

Сергей Камышников

На старом снимке мы с братишкой,
Без шапок, в новеньких

пальтишках.

В руках у братика игрушка,
Морская, кажется, ракушка.

Стоит рядком, и тут же мама
Сидит на стуле, смотрит прямо
Ни на кого-то, в никуда.
Какие ей еще года!?

А рядом мы — два стебелечка.

Но два характера. И точка.

Два, с виду, бравых молодца.

Но, после похорон отца.

г. Тюмень.

Владимир Мазин

Ну что ж, пускай опять обманет
Тропинка посреди невзгод.

И промелькнет, как на экране,
Дурных сюжетов длинный год.
Плутания необходимы.

Когда никто не знает путь,
И снова негде любимым

Пред Рождеством передохнуть.

Сквозняк бурчит по перекресткам
Опять недобрые слова,

А я заплаканным подростком
Ищу родства, как волшебства.

г. Нижневартовск.

Станислав Бужинский

Кругом снега. Мертва на вид

природа,

Метель метет, трубит свои права.

Лишь до весны в снегу уснули
всходы,

И копит силы спящая трава.

Так и моя душа для чувств закрыта,
Молчит, как усмиренная струна,
Но в ней моя любовь на время

скрыта,

Возбуждена и вся напряжена...

Не надо торопить, проснутся всходы!

Не вечна будет снега белизна!

И у моей души есть время года,

Я верю, к ней придет еще весна!

г. Ханты-Мансийск.

Александр Пушкин и мы

Уже давно объективные аналитики социальной жизни того или иного народа отметили тот факт, что в переломные периоды развития общества рождается личность, деяния которой определяют будущее страны, ее социально-этическое содержание, в целом сущность духовной культуры этого народа. Для русского народа такими выдающимися личностями были Владимир Креститель и Александр Невский, Дмитрий Донской и Иван Грозный, Минин и Пожарский, Петр I и Александр II, Плеханов и Соловьев, Ленин и Сталин, оставившие незабываемый след в деле преобразования жизни. Культурный пласт отечественной самобытности русских несомненно представляют Ярослав Мудрый и Кирилл Туровский, авторы «Слова о полку Игореве» и «Моления Даниила Заточника», Стефаний Премудрый и Сергей Радонежский, Иван Федоров и Мелетий Смотрицкий, Ломоносов и Державин, Пушкин и Герцен, Толстой и Достоевский, Чехов и Горький, Шолохов и Симонов, Распутин и Шукшин.

В плееде этого далеко не завершенного большого перечня русских выдающихся имен самое почетное место занимает наш Александр Сергеевич Пушкин. «При имени Пушкина, — писал в свое время Н. В. Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

В своей речи на открытии в 1880 году памятника поэту мудрый Иван Тургенев сказал: «Нет сомнения в том, что он (Пушкин — Н. Ф.) создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением». Действительно, в языке поэзии и прозы Александр Пушкин, по словам академика В. Виноградова, вся предшествующая культура русского художественного слова не только не достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование.

В России предпушкинского времени литература и письменная культура, с одной стороны, находились под влиянием старорусских традиций, которые великий Михайло Ломоносов гениально расположил в ложе высокого и низкого «штилей» (речь шла об архаическом, книжно-церковном и народно-разговорном «речениях») и, с другой стороны, под давлением западноевропейских, главным образом французских, правил и норм литературного выражения. Отсюда одни, достаточно влиятельные государственные деятели, академические ученые, писатели и поэты, настойчиво предлагали в развитии литературы и языка возврат к старине, а другие, наоборот, отказывались от обветшалых историзмов и просторечий во имя приобщения к европейской культуре.

Пушкин пристально изучал литературный опыт своих предшественников, присматривался, анализировал их литературные и языковые взгляды, постепенно вырабатывал собственные воззрения, поэтапно реализуя в своих стихах и прозе. Он внимательно прислушивался к высказываниям друзей и недругов, соглашаясь и не соглашаясь с критиками. Пушкин завершал эволюцию письменной культуры, учитывая все достижения русских писателей и поэтов от Ломоносова и Сумарокова до Карамзина, Крылова и Грибоедова.

Пушкин теоретически, о чем, к сожалению, осведомлены не многие почитатели творческого наследия основоположника русской речевой культуры и литературы, и главным образом в творческой практике воплотил гармоническое слияние языка одической старорусской книжной поэзии с языком русского фольклора, народно-разговорного просторечия с французизированной жеманно-аристократической речью сторонников стиля «элеганс». Пушкин предложил перспективный синтез народной лексики в русском

языке. Патетический, торжественный стиль Пушкин воссоздает за счет архаичной, старославянской лексики и фразеологии, когда речь идет об идеях высокой русской гражданственности:

Увы! куда не брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи мощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

(«Вольность»)

Оригинален пушкинский принцип стилевой нейтрализации и русификации церковнославянизмов, когда в «Евгении Онегине» народное слово «дровни» оказывается в соседстве с поэтизмом «торжествуя»:

Зима. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь.

Или:

Румяный критик мой, насмешник
толстопузый,
Готовый век трунить над нашей
томной музой,

где высокое слово «муза» рифмуется с просторечием «толстопузый» и:

Чтоб лужу засорить лишь ждут Борея,
И больно. На дворе живой собаки нет.

Пушкин находит возможным и актуальным поэтизировать и олитературивать народную речь:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец, —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам уже мертвец!»

О пушкинском взгляде на народный язык особенно важно напомнить в наше время, когда язык кино, газетной публицистики и литературы буквально захлестнула волна вулгарной лексики, когда бранная речь навязывается новорусской журналистикой как непосредственная демократия, когда модно щегольнуть знанием фразеологии уличных торговцев и нищих духом «челноков».

Современным русофобам невдомек, что немногим менее двухсот лет назад наша литературная энциклопедия — А. С. Пушкин ясным и доступным для понимания языком установил место заимствованных слов в системе литературной речи. Варваризмы, то есть англицизмы или американизмы уместны лишь тогда и там, когда они обозначают отсутствующие в русском языке понятия, относящиеся к нерусским явлениям и предметам:

Но панталоны, фрак, жилет
Всех этих слов на русском нет,
Я вижу, я винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами...»

Пушкин — символ величия русской культуры и художественной речи. В языке произведений Пушкина заложены источники слога русской литературы. Поэтому вклад Александра Сергеевича Пушкина в отечественную культуру определяется его истинной народностью, общедоступностью и естественной жизнеспособностью. Александр Пушкин — наш учитель. Он был и остается нашим современником.

Н. К. Фролов,
председатель Тюменского областного общества
русской культуры, доктор филологических наук,
профессор.

Юрий Мешков

Вокруг Пушкина

1

Чем более значителен предмет высказываний, тем больший соблазн наговорить банальностей. А тут — Пушкин. И тем не менее начну с того, что...

2

В русском национальном сознании А. С. Пушкин являет собой знак высокой культуры, ее взлет к той высоте, с которой творец равно говорит со всеми и особенно с каждым.

В истории мы не находим периода, когда общество не изъясляло своей признательности поэту. О нем никогда не говорили как о чем-то прошлом, его всегда утверждали как духовную составляющую дня современного. И даже когда этот день баррикадно разводил людей, даже когда он братоубийственно сталкивал их в отстаивании их и только их правды, Пушкин был равно дорог и тем и другим, хотя ценили они в нем только то особенное, что дорого было именно им.

Пушкин был и остается знаменем, которое чем выше поднято, тем более святым и правым считалось дело поднявших это знамя. Последний тому пример — предисловие Бориса Ельцина к полному собранию сочинений великого поэта.

Когда же потрясения уступали место спокойному и динамичному развитию великой России, Пушкин оставался нашей национальной надеждой и нашей национальной мечтой о том типе русского человека, каким он, по словам Н. В. Гоголя, явится лет через двести. Гоголь мог срок загадывать безбоязненно, для нас же его срок — близок, но все еще недостижим.

Русская культура несет в себе Пушкина. Она несла его в себе как духовную потенцию народа, вдруг, в годину 1812 года открывшегося миру народом-освободителем. Такому народу и нужен был поэтический талант масштаба Пушкина. И теперь русская культура несла в себе Пушкина как ген, которым держала себя и тем изживала (смею верить, и будет изживать) любую инфекцию.

3

Русская культура XIX века осваивала наследие Пушкина прежде всего тем, что вослед ему создавала великое искусство.

Николай Гоголь и Иван Тургенев, Федор Тютчев и Афанасий Фет, Федор Достоевский, Лев Толстой и, наконец, Антон Чехов утвердили русскую литературу как литературу мирового уровня. Конечно, они благодарно отзывались о своем предшественнике за его вдохновенный пример. Главное же — они своим творческим делом укрепили пушкинское начало как эталон мастерства.

Великими истолкователями Пушкина стали наши композиторы. Русская опера выросла, окрепла и вышла на мировую сцену на образах и темах Пушкина. А русский романс немислим без романсов на его стихи. Активно — и опять-таки на мировом уровне — осваивали наследие великого поэта художники Федотов, Брюллов, Суриков, Репин, Врубель.

4

А вот XX веку потребовался уже сам Александр Сергеевич Пушкин. Созданное им и вослед ему уже обрело статус великого национального искусства. Говоря — Пушкин, это искусство и имели в виду. Но Пушкин вдруг потребовался как личность, в ряду которой и твое дело обретает смысл.

Поэтическая пушкиниана создана в XX веке. В ней имен, стихов и поэм не счесть. Такое ощущение, что иной хочет утвердить себя поэтом уже тем, что стихами обращается к поэту как коллега. Перевернем эти страницы пушкинианы. Ибо есть в ней и достойные внимания. В первую очередь тем, что написаны истинными поэтами. Да, иными, но истинными.

5

Александр Блок в феврале 1921 года, за несколько месяцев до смерти, обратился с посланием «Пушкинскому Дому». Оно адресовано академическому учреждению, хранившему пушкинские рукописи и документы о нем.

Блок был уже иным, чем три года назад, когда в метельном январе 1918 года писал поэму «Двенадцать». Он собирался издать новый сборник своих стихов и хотел назвать его «Черный день». Он признавался в дневнике, что ему все трудней дышать. Не от здорovia. От атмосферы времени. Сам Пушкинский Дом, хранящий память о

Поэте, подвигнул Блока обратиться к тому, кто в его сознании были совестью и честью поэзии:

Дай нам руку в непогоду.

Помоги в немой борьбе!

Пушкинская «звук сладость» — вдохновляла, пушкинская «радость» — окрыляла, но — в те года, тогда. Это указание на прошедшее, пусть совсем недавнее, но уже прошедшее время не было ли извинением за настоящее? За настоящее, с которым время прощаться.

С белой площади Сената

Тихо кланяюсь ему.

6

Для Сергея Есенина Пушкин — тот, «кто русской стал судьбой». Его стихотворение «Пушкин» было написано в 1924 году, прочитано у памятника поэту. Есенин видит себя частью «русской судьбы». Она для него в Пушкине как в светлом символе ее.

А я стою, как пред причастьем,

И говорю в ответ тебе:

Я умер бы сейчас от счастья,

Сподобленный такой судьбе.

7

А. С. Пушкин потребовался и Владимиру Маяковскому. «Судьба», «причастие» — для Маяковского мистика. Пушкин нужен ему сейчас и здесь: «стали бы по Лефу соредактор». Пушкин для Маяковского — коллега, союзник, соратник. Но, о чем автор «Юбилейного» искренне сожалеет, уже памятник. И он возвращает его: «подсажу на пьедестал».

Ненавижу

всяческую мертвечину!

Обожаю

всяческую жизнь!

Изъясняясь в своей любви к Пушкину, Маяковский создает культ имени Пушкина. И осмысляет его в контексте только своей эпохи.

8

И уже не суть важны глубина и красота его творений. Важно, что Пушкин становится фактором творения новой жизни в ее борьбе со старым. А в том старом убили Пушкина. Месть старому становится чуть ли не мещью за Пушкина. Об этом писал Эдуард Багрицкий:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,

Я Пушкина через Урал пронес,

Я с Пушкиным шатался по окопам

Покрытый вшами, голоден и бос.

Да, широко и достойно в 1937 году было отмечено 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Оно было инициировано

сверху и, конечно же, имело идеологический подтекст. Но оно было принято народом, и в первую очередь — интеллигенцией. Мне думается, именно в 1937 году Пушкин обретает статус не только великого, а НАРОДНОГО поэта.

Всем очевиден был идеологический подтекст.

Но очевиден был и другой, прямо не заявленный, но всенародной любовью явленный подтекст. О нем тогда же, но в эмиграции писал Г. Федотов:

9

«Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни. Будущее связывается с прошлым. В удрученную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются влияния и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций. Этот мир уже не под запретом. Вечное заглядывает в глаза, через прошлое стучится в настоящее».

10

Идея исторической справедливости, воздавшей должное «гонителям» народного поэта, породила мещанское копание в мелочах и деталях, якобы уличавших гонителей. И тут не пощадили даже жену Пушкина. Вот давние, но характерные строки Ярослава Смелякова:

В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.

Мы несли тебя — любовь и горе —
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре —
к новой жизни, к будущей стране.

Два десятилетия спустя он напишет «Извинение перед Натали». Признается в бестактности. Теперь, издалека, выдавит строку: «просто тихо извиняюсь». Попросит «злопамятной не быть». И здесь бы поставить точку. Ан, нет, и свое запоздалое извинение Смеляков все же завершит строфой:

Ах, Вам совсем нетрудно это:
ведь и при жизни Вы смогли
забыть великого поэта —
любовь и горе всей земли.

Вот так и извинение стало новой бестактностью.

А Ярослав Смеляков большой и истинный поэт. Поэт своего времени. А время, утверждая культ имени Пушкина, явно стремилось принизить и унижить все и всех, кто был рядом с ним.

Нет страницы в биографии Пушкина, лица из его знакомых и близких, места, связанных с его именем, о чем не

писали бы наши поэты. И все это — пушкинская тема? Или забалтывание Пушкина?

11

Имя Александра Твардовского не из тех имен, какие первыми приходят на ум, когда говорим о развитии традиций Пушкина. Правда, в 1962 году он произнес «Слово о Пушкине», умную, но в чем-то главным осторожную речь. Вот что он говорил тогда:

«Лирика Пушкина — высшее выражение благороднейших человеческих чувств, возвышенной дружбы и любви, понятий бесконечной ценности жизни и мужественного взгляда на ее быстротечность, на горечь любых утрат и испытаний. Для Пушкина мир не кончается вместе с уходом из него отдельной «моей» личности, как это на разные лады утверждает позднейшая лирика известного толка».

Литературоведы находят у А. Твардовского следы влияния пушкинских тем и образов. Но подлинно пушкинское зазвучало у него в позднем лирическом творчестве. И зазвучало в ответственнейшем отношении к слову.

Это ведь и характеризует великих мастеров. А оно у русской поэзии от Пушкина.

Для Пушкина, а вслед ему и для всех великих мастеров нашей поэзии их долг, их предназначение и их творческая гражданственность в том, что они доверяли своему слову, своему праву художника сказать именно так, а не как диктуют или требуют власть, общественное мнение или вкус толпы. Твардовский формулирует это более спокойно и менее раздраженно, чем Пушкин в его ответе «черни», но столь же убежденно:

Все учить вы меня норовите,
Преподать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:

Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?

Поздний Твардовский открывает, что поэтическое слово и есть та единственная правда, которую поэт говорит своим современникам и потомкам. Своим правом говорить, подчеркнуть: **свободно** говорить, эту правду Пушкин гордился. И Твардовский перекликается с ним:

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.

Я их припомню наизусть

Не по готовым нотам.

Мне проку нет — я сам большой —
В смешной самозащите.

Не стойте только над душой,

Над ухом не дышите.

Твардовский был воспитан на некраповской традиции. Он развил конкретно-реалистическую линию в нашей поэзии, самостоятельную и отличную от пушкинской. И стих его далек от пушкинского. А вот на тебе: в поздней его лирике слышим мы, узнаем тот благословенный исток, от которого пошла наша русская поэзия — Пушкина.

12

Слышим у позднего Сергея Есенина.

13

Слышим у позднего Владимира Маяковского.

14

Слышим у позднего Николая Заболоцкого.

15

А ведь все они яркие индивидуальности. Индивидуально отличны от Пушкина.

Под моим пером сближает их возрастной эпитет к фамилии: поздний... поздний.

А ведь не в возрасте дело. Есенин умер, когда ему было 30, Маяковский в 37, Заболоцкий прожил 55 лет, а Твардовский успел справить 60-летие...

16

Пушкину была свойственна цельность мировосприятия. Сложность жизни и мудрая простота осознавалась им как неразрывная слитность. Та высшая гармония, которую и призван поэт внести в бытие человека, во внешний хаос его существования.

Обретает поэт эту цельность мировосприятия — обретает пушкинское начало в главном. А как оно будет выражено — это, согласитесь, дело второе. Впрочем, об этом уже было сказано. Я лишь напоминаю истину. И напоминаю ее цитатой из давней, еще 1964 года статьи Станислава Рассадина «Вперед к Пушкину»:

17

«Современная лирика с ее явным тяготением к философичности, к гармонической ясности все чаще обращается к пушкинской поэзии... Пушкин, разумеется, не может и не должен служить образцом для прямого подражания... необходимо учиться у него гармоничности, постоянному ощущению человеческого идеала, который он носил в самом себе. Ощущение объективного идеала, служение ему исключало в пушкинской поэзии субъективизм, случайность и необязательность. Техническое совершенство пушкинского стиха зависимо и от его этического, духовного совершенства, а личность лирического героя — при всей ее удивительнейшей индивидуальности — прочно связана с миром, с людьми».

Итак, вперед к Пушкину. Но пере-

читите цитату из статьи Рассадина внимательно. Движения вперед к Пушкину не будет без прочной связи с миром и людьми, без этического, духовного совершенства.

Есенин и Маяковский, Заболоцкий и Твардовский выбредали каждый своим путем на эту дорогу, а потому позднее их творчество согрето пушкинским началом.

А сегодня?

18

Загодя издан Указ Президента Российской Федерации о праздновании 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Загодя созданы комиссии и оргкомитеты по празднованию. Загодя составлены планы мероприятий.

Вот только с этическим, духовным совершенством проблемно.

Вот только рвутся связи личности с миром и людьми.

Праздновать-то мы, конечно, будем, но...

Утешают меня слова Виссариона Белинского:

«Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее и по тому самому уже не могут принадлежать одному прошедшему; но в том-то и состоит задача здоровой критики, что она должна определить значение поэта и для его настоящего и для будущего, его историческое и его безусловно художественное значение. Задача эта не может быть решена однажды и навсегда на основании чистого разума: нет, решение ее должно быть результатом исторического движения общества. Чем выше явление, тем оно жизненнее, а чем жизненнее явление, тем более зависит его сознание от движения и развития самой жизни».

19

200-летием со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина Россия и мы, русские люди, подойдем к хронологическому завершению своего движения и развития в XX веке. И пусть с атмосферой пушкинских торжеств мы вдохнем атмосферу века XXI, приблизимся к тому идеалу русского человека, который, по Н. Гоголю, явил А. С. Пушкин. И повторим за Блоком:

Дай нам руку в непогоду
Помоги в немой борьбе!

* * *

Сохнет чеснок, пропитав ароматом
прихожую,
Бёрда висят, переполнив полотно
фантазией...
Как я люблю эту жизнь, ни на что
не похожую,
В маленьком русском селе меж
Европой и Азией!

Ливень прошел и залил огороды
и улицы,
Стала дорога одной непролазною
ямою,
Только Серега-бобыл возле прясла
сутулится —
Все вспоминает любовь свою,
самую-самую.

Все вспоминает. А жизнь зарастает
крапивою,
Может, когда-нибудь, позже, поймет
и раскается,
Да и была его Людка совсем
некрасивою,
Только пока что забыть ее
не получается.

Фекла бредет, пронося материнства
развалины,
В детях и внуках оставила Фекла
отметины:
В доме гарцуют бедовые детушки
Валины,
А в огороде хозяйствуют деточки
Светины.

Родя выходит на лавочку
по понедельникам,
Не воевал, не погиб со своим
поколением —
Вот и живет на земле молчаливым
отшельником,
Сердце отдав огородным боям
и солениям.

Пар поднимается, вязкий, густой,
над низинами.
Мир переполнен. И нету ему
исчисления.

Повесть людская течет берегами
старинными.
Ждали, не ждали — нагрянуло
время осеннее.

* * *

За понедельником
Приходят вторники,
Я жил бездельником —
Подался в дворники,
Я был писателем —
Занялся грядками
И стал мечтателем,
Хожу с заплатками,
Хожу с заплатками
Шагами бодрыми —
Король над кадками
И царь над ведрами.
Природа жмурится:
Кругом — идиаллия,
Жара на улице —
Почти Бразилия,
Почти Бразилия

Иль Мавритания,
Но нет насилия
И нет братаня,
И голос чочета
Далеко слышится —
Живи, как хочется,
Дыши, как дышится,
Сбрось мысли грязные,
Сними отрепия —
Природа празднует,
Великолепие!

* * *

Средь капусты и гороха,
Средь бобов и огурцов
Проживаю я неплохо,
Хорошо — в конце концов!
Проживаю — оживаю
От базарной болтовни,
Коль хочу — так выпиваю,
Захожу — лежу в тени.
Заготавливаю сено,
Ем, купаюсь, сплю, люблю,
Забываю совершенно
Тягу к длинному рублю!
Забываю все вопросы,
Очень важные дела...
Вот бы так легко и просто
Бесконечно жизнь текла!

* * *

Опустилась тьма ночная,
Почернели небеса,
Зашумели, оживая,
Все окрестные леса.
Спят собаки, куры, гуси.
Жизнь без света — не по ним,
В доме бабушки Маруси
Только мы еще не спим.
На кровати дремлет Маша,
А на стуле я дремлю...
Маша, Маша, дочка наша,
Как же я тебя люблю!
Ты по сану — королева,
Я по сути — верный страж,
Речка — справа, роща — слева,
Посредине — домик наш.
Нынче — пасмурное лето,
Но мы здесь ему назло,
Ведь порой не надо света.
Чтобы чувствовать тепло.

Об авторе

Родился в 1975 году в Тюмени. В 1996 году окончил Тюменский институт искусств и культуры. Около двух лет работал в школе. Сейчас работает в ДК «Строитель» по своей профессии — режиссер праздников.

Печатается впервые.

НА ЧЕРДАК

Рассказ

Пан Грыжа еще раз нажал кнопку вызова лифта и, убедившись в том, что лифт не придет, тяжело вздохнув, начал медленно подниматься пешком. Его квартира находилась на верхнем, пятом этаже, а значит ему предстояло преодолеть еще четыре лестничных пролета. Он давно привык к этому своему пути, но изредка ему казалось, что жильцы нарочно отключают лифт. Иногда, стоило ему закрыть за собой дверь квартиры, как до него доносился шум лифта.

На первом этаже, искусственно-приветливо улыбаясь, стояла пани Деточкова с ребенком на руках.

— Здравствуйте, пан Грыжа! — Она всегда говорила таким фальшивым тоном, что пану Грыже становилось не по себе и сразу хотелось вытянуть озябшие ноги к камину.

— Здравствуйте, пани Деточкова! — в тон ей ответил пан Грыжа.

— Поверьте, мне очень неловко снова просить вас, но...

— Посидеть с вашим мальчиком?

— Вы удивительно догадливы!..

— Во сколько?

— Так вы согласны? Спасибо, огромное спасибо, милый пан Грыжа. Я принесу его часов в семь. Вы даже не представляете, как вы меня выручили. Это последний раз, ей богу! — кричала она вдогонку, но пан Грыжа уже не слушал ее.

Он собирался «без потерь» проскочить второй этаж, но резкий голос остановил его.

— Постой-ка, дантист! Разговор есть...

Жильцы дома за глаза называли пана Грыжу дантистом, потому что он работал в стоматологической поликлинике анестезиологом.

— Разговор есть, — голос принадлежал одному из живущих здесь братьев — панов Загибульских. Будучи близнецами, они все же были разные как земля и небо. Один из них был похож на оглоблю, а другой напоминал плотный воздушный шарик.

— В общем так. Или ты расстанешься с Ингой, или мы тебе поможем расстаться с твоими зубами.

— Уже.

— Что — уже?

— Уже расстался.

— С кем? С Ингой, или с зубами?

«Шарик» подлетел к пану Грыже.

— Открой рот! Брат, зубы на месте, — сохмил толстяк.

— Значит, с Ингой, — сделал вывод второй. На минуту братья задумались.

— Свободен! — обобщил раздумья тощий. Пан Грыжа начал подниматься выше.

— Еще раз увидим тебя с ней — не поздоровится! Заруби себе на носу! — неслось вслед.

На самом деле он и Инга не расставались. Она просто его бросила. Назвала ролей и бросила.

— Пан Грыжа! Пан Грыжа! — Жалобный голос пани Сонечковой, живущей на третьем этаже, вновь остановил его. Она стояла, загородив собой дорогу и прижимая к своей пухлой щеке платок.

— Опять зуб?

— Да. Пан Грыжа, у меня к вам огромная просьба. Не могли бы вы договориться, чтобы мне полчили его под наркозом?

— Хорошо. — Пан Грыжа двинулся дальше.

— Вы ведь знаете, как я боюсь боли.

— Хорошо, я договорюсь.

Осталась последняя площадка, но пан Грыжа уже и не думал, как ее лучше проскочить. Из приоткрытой двери высунулось заспанное лицо Яцка. «Сейчас попросит посмотреть свою машину».

— Здравствуйте, пан Грыжа.

— Здравствуй, Яцек.

— Вы знаете, у меня завтра день рождения.

— Нет, не знаю.

— Так я вас приглашаю.

— Что?

— Часа в два. Придете?

— Приду.

От столь неожиданного приглашения (Яцек не был ему ни приятелем, ни другом) пан Грыжа чуть не сел прямо на лестнице.

— И гитарку свою прихватите, — продолжил Яцек как бы между прочим. — Попоете гостям, поиграете.

Искорка доверия, только сверкнув, погасла.

— Приду, — устало ответил пан Грыжа, поднимаясь на свою площадку.

Он подождал, пока Яцек захлопнул за собой дверь, а затем не заходя домой, пополз по лестнице, ведущей на чердак. Там было тихо и пусто. Птичий помет похрустывал под ногами. В темноте пан Грыжа больно стукнулся головой о балку и чертыхнулся. Наощупь дошел до выключателя и зажег свет. Слева от себя он увидел старенький шифоньер — цель своего пути. Привычным движением отпер замок и открыл дверцу. Все «фигуры» были на своих местах. Фотографии людей в человеческий рост, наклеенные на плотную фанеру. Здесь

были: пани Деточкова и братья Загибульские, пани Сонечкова и вечно заспанный Яцек. Пан Грыжа почти бережно начал доставать «фигуры» из шкафа и расставлять их возле стен кругом. Затем, резко выдохнув, пан Грыжа вошел в круг так решительно, как дрессировщик входит в клетку со львами.

Для начала пан Грыжа обошел круг по внутренней стороне, вглядываясь в лица «фигур».

— Значит, просите. Требуется. Приказываете. Каждый день одно и то же. И хоть бы у одного заговорила совесть. Вот вы, пани Деточкова. Зачем вы заводили ребенка, если вы его не любите? Ведь я с ним больше вас провожу времени. И вот мой приговор.

Пан Грыжа легонько толкнул «фигуру» пани Деточковой, и та покорно опрокинулась на спину.

— А вы, светлые паньчи, — продолжал пан Грыжа, обращаясь к близнецам, — по какому праву вы вмешиваетесь в мою личную жизнь? Если бы не ваши дурацкие притязания на Ингу, я бы уже был женат на ней.

При мысли об этом пан Грыжа покраснел от злости и с диким воплем накинулся на панов Загибульских. Изрядно намяв им картонные бока и отдышавшись, пан Грыжа перешел к следующей «фигуре».

— Итак, пани Сонечкова. Вспомните, я хоть раз просил вас прогулять мою собаку или вымыть у меня посуду? Нет. А сколько раз я договаривался в стоматологии о лечении ваших idiotских зубов? Раз сорок, не меньше. Проще оторвать вам голову и выбросить вместе с зубами. Вот так.

Пан Грыжа одним резким движением руки отломил голову у фанерной пани Сонечковой и швырнул ее в кучу помета.

— Вот так. Теперь ты, Яцек. Ты страшнее их всех. Скользкий как змея и такой же хитрый. Они идут напролом, а ты всегда — в обход, выжидаешь удобного случая, чтобы укусить свою жертву. И вот мой приговор! — С этими словами пан Грыжа начал самозабвенно бутузить изображение Яцка.

— Сам чини свою развалюху! — Пан Грыжа отбил себе руки, но не обращал на боль никакого внимания. — Сам ублажай своих гостей!

Постепенно силы покинули пана Грыжу. Его наручные часы показывали без десяти минут семь. «Пора». Он так же бережно сложил останки «фигур» в шифоньер. «Завтра подклею». Стряхнув с себя чердачную пыль, пан Грыжа запер шкаф, выключил свет, открыл чердачный люк и медленно начал спускаться вниз, навстречу просьбам, требованиям и приказам.

Автор о себе

Родился в 1976 году в г. Омске, в семье потомственных военных и потомственных педагогов. С шести лет живу в Тюмени. В 14 лет взял в руки гитару, которая стала для меня сокровенным другом, думаю, на всю жизнь. Участь в школе, организовал рок-группу «Система безопасности», стал ее лидером, потом, музыкантом. После окончания школы поступил в Тюменское училище искусств на фольклорное отделение, одновременно занимался классической гитарой у М. С. Яблокова.

Закончив училище, поступил в этом году в Тюменский институт культуры. Кроме увлечения рок-музыкой, занимаюсь философией, фольклором, люблю русские народные песни.

Любимые поэты и писатели: Л. Андреев, В. Хлебников, Ф. Достоевский, Бодлер, Шопенгауэр и другие.

СВИРИСТЕЛИ

Красные птицы, мерзлые ягоды,
Мы с тобой шагаем по улице,
Светятся витрины, как почетные
грамоты,
Голуби на люках от солнца жмурятся.
Кисть заката по крышам прыгает,
Уже подъезды пахнут вечером,
Посидим на лавке, ногами дрыгая,
Нам опять делать нечего.
А город потихоньку про смерть напоеет,
А мы и будем рады
От того, что умрем в один день,
А что нам с тобой еще надо?
Ведь в прорубь времени
Жизнь песком просыпается,
Дни незаметно длиннее,
И зима кончается.
Воспоминания детства —
пулей навывлет,
У нас есть еще одна минута,
Чтобы потерять все свои доспехи,
Чтобы подарить друг другу друг
друга.
И с высоты своих отчуждений
Сплюнуть на мир, спелый и вечный,
Чтоб подавился он своей грязью
И захлебнулся нашей любовью.

СОЛНЦЕ ВСТАЕТ

А звон по церквям,
В ножны острие глаз,
Возьми баян,
Поплачь за нас.
Солнце встает.
Встают сантехник и строитель,
Продирая корки заспанных глаз.
Встает вор и философ,
Пьют чай и включают свой газ.
Солнце встает.
Утро лучше всех революций —
Утром мы все равны —
С ванной начинают писатели
резольюций
И простые смертные, как мы.
Солнце встает.
Спит ночь,
Укрывшись крышами домов,
Не причесав волоса телевизионных
антенн
Во дворах без колов.
Солнце встает.
Вытирая кровь с корявых пальцев,
Идет убийца спокойно поспать.
Рисую узоры на оконных пяльцах,
Мороз резвится опять.
Солнце встает.
Идут с работы чулки проститутток,
Смыв ум вместе с помадой.
Начинают дворники свое время
суток
И метут известку снега под оконной
рамой.
Солнце встает.
А звон по церквям,
В ножны острие глаз,
Возьми баян,
Поплачь за нас.
Солнце встает!
Солнце встает!
Солнце встает!
Солнце встает!
Солнце встает!

* * *

Хотели немного —
получилось насмерть,
Хотели в небо — попали в землю,
Хотели мира — получили фигу,
Хотели кушать,
а нажрались дерьма.
Думали, приятно,
а уперлись не в кайф,
Спрятали мысли, а открыли рожу,
Сменили одежду, да потеряли кожу,
Любили сильно, да забыли быстро.
Зачесались глаза, завязалась война,
Подожгли поленья,
да задобрили вареньем,
Нарисовали утро,
а натыкали звезды,
Поцеловали в губы,
а перышко в спину.
Ласково пели,
да недобро вспоминали,
Как на икону молились,
потом в могилу плевали.
Купили шторы, да дом-то сторел,
Принесли игрушки,
а ребенок-то вырос.

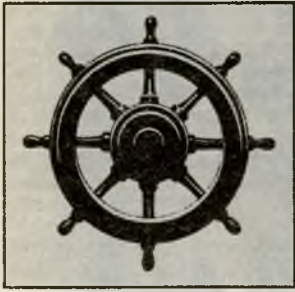
* * *

Когда мы с тобой,
Ветер спит в проводах,
Плачут все поезда —
Полный крах, полный крах.
Радиация гниет на полях,
Ориентируюсь я
На смех и на страх,
Когда мы с тобой.
Птицы забудут летать,
И как петь про весну,
Камни устанут молчать,
Кто-то свистнет луну,
Когда мы с тобой.

* * *

Я колени твои обниму.
Чтоб не могла убежать от любви,
Чтоб не избежала моих жадных губ,
Чтоб на тебе я оставил следы.
Чтоб в табачном дыму умерла
Наша с тобою усталость,
И на моих зубах ты была,
Как восточная сладость.
Прислушайся к городу,
Нас больше нет —
Мы превратились
В осколки.

Привет с Тихого!

Дорогие читатели «Тюмени литературной»! Мы попросили Николая Денисова, главного редактора «ТЛ», очень уважаемой в Приморье газеты, дать слово приморским писателям, поэтам. Нас в организации СП всего 20 человек, живем мы трудно, но те, кто не может не писать, те — пишут. Прочтите — эти строки то, чем мы живем, о чем думаем.

Приморье в тисках «экспериментов». Нет света, бастуют учителя, врачи, другие бюджетники. Мы не виним в этом наших непосредственных начальников, ибо понимаем, что дело не в них, а в общем положении страны, где одни не платят миллиардные налоги от мифических «зарплат», другие не имеют куска хлеба. Но наши власти помогают писателям как могут. В последнее время губернатор края Евгений Иванович Наздратенко, администрация края — поддержали выход нескольких наших книг, оплатив полностью расходы на издание, помогают литературным объединениям, общаются с писателями.

Знайте, что мы, хотя и далеко от вас и от центра, но мы — русские писатели и наши помыслы с Россией, которая когда-то воспрянет, возвысится, ради исполнения самых главных чаяний своего народа.

Итак, привет вам с Тихого океана, дорогие жители земли Тюменской!

Лев Князев,

ответственный секретарь Приморской писательской организации.

Лев Князев

На рифах Банки Тоддо

Из документальной повести
«У врат блаженства»

Кренясь и падая на правый борт, «Индирик» все более подставляла шторму раскрытые люки своих трюмов. Люди в трюмах не сразу поняли, что означал первый пушечный удар корпуса о рифы банки Тоддо. Но тут же раздался скрежет разрываемого металла, последовали новые удары, и вдруг замолкла мерно и непрерывно гудевшая в течение долгого рейса паровая машина. Наступившая на короткий миг тишина одновременно родила в головах сотен людей догадку: «Тонем!» Тотчас же погас свет и в крошечной тьме взвыл голос, мало похожий на человеческий.

— Братцы, тонем!

«Индирик» лежала на камнях рифа «Морского Льва» так, что вся палуба и трюма были развернуты прямо в океан, так что волны били о корпус, словно о брекватер, и с силой врывались в открытые люки. Большая половина корпуса ушла под воду, рухнул под ударами волн и собственной тяжести ходовой мостик, упали, порвав ванты, обе мачты, и торчащая над водой часть корпуса четырех-пяти метров высотой покорно принимала на себя торжествующее буйство стихии. Бывшие эки-пассажиры и команда, сумевшие удержаться, сгрудились на обледенелой плоскости левого борта, превратившие-

гося в палубу и цеплялись, кто как мог, привязывались, кто пеньковыми концами, кто простынями и одеялами, за шлюпбалки, вентиляторы, утки, решетки шпигатов и всякие выступы на фальшбортах и палубе. К утру тринадцатого декабря, когда ветер стих и волнение немного все же приутихло, самые ловкие из команды и пассажиров ухитрились пробраться в каюты левого борта, повисшие над водой, иные сумели неведомыми способами расклиниться в коридорах, где не так доставал холод, и отдыхали, а иные сумели разжиться едой и даже спиртом. Как всегда бывает при казалосе бы всеобщей, равно доставшейся всем беде, адские муки покалеченных и замерзших, промокших насквозь людей, неминуемая смерть не сумевших найти выход в крошечной тьме и грохоте катастрофы, застигнутых врасплох кто по невезению, а кто по заложенной от роду неловкости, нехваткости, которая раздается при рождении не всем, все это существовало рядом с успокоенной уверенностью тех, кто благодаря то ли везению, то ли все той же природной ловкости оказался лучше приспособленным, неуязвимым и, вопреки жестокому року, выжил. Теперь эти уцелевшие, кто как мог, помогали несчастным или, закрепившись, просто жили, наслаждаясь даже такой, отвоетной у стихии жизнью, и уже надеялись на скорое улучшение обстоятельств, на приход чьей-то помощи и на полное избавление от смерти.

Все новых и новых узников извлекали матросы, кочегары и кто покрепче из пассажиров трюмов, бросая на воду перед люками спасательные круги с привязанными к ним концами. Извлеченные из воды, угодив

наконец на твердую плоскость борта, то замолкали, переживая потрясение, то начинали по-звериному выть и кричать, кто от радости, а кто, отчаянно призывая спасти оставшихся в воде близких.

В этом вселенском кошмаре дневальная Люда, облаченная в великоватый полушубок поверх стеганого ватника, в намотанном вокруг головы шерстяном платке и тяжелых бахилах, надетых на теплые шерстяные портянки, вся такая теплая, даже

разрумянившаяся, пристроившись возле шлюпбалки, где укрепились с помощью Николая, потчевала замерзающих водкой из выданного боцманом чайника.

— Мужички, женщины, подходите, никого не обижу, сегодня положено, — протягивала она подхитившим железную кружку, для всех одну, с одинаковой порцией на три пальца от дна. Только что извлеченный из воды бедолага щелкал по железу зубами, опрокидывая в горло жидкий огонь и, крикнув, отваливался.

— Ой, спасибочки, девушка, теперь не колено!

— Подходите, подходите, начальство еще выделит, бочку не затопило! — весело призывала Люда и, приметив неподалеку карабкающегося из надстройки Николая, позвала. — Ученый, подходи, для тебя персонально всю кружку. Ой, а что за кровь на шубе? — испуганно показала она.

— Кто об этом теперь спрашивает, Люда, — мрачно сказал Николай, все еще ощущая на руках тяжесть умирающего Миши Цапана. — Вот как, значит, из органов. Но спасибо и ему, неизвестно, где был бы я, не приди он вовремя... — Николай выпил, поблагодарил Люду.

— А барышням наливайешь, Людочка?

— Я не буду, Коля, — повернулась к нему Ольга. Она показала на низкий японский берег. — Смотрите, там, у скал шхуна, к нам идут!

Из-за скалистого мыса в нескольких милях от парохода сверкнул стеклами рубки белый жучок японской шхуны. Следом показался небольшой пароходик. Волны то и дело прикрывали суда, потом вновь подбрасывали их в высоту, и было странно, что они не опрокидываются, не накрываются валами, а идут, идут к поверженной «Индирик».

— Ребята, ура, помощь идет! — сорвавшимся голосом крикнул кто-то из сгрудившихся на борту людей. И тут же все, кто мог, замахали над головой руками, закричали, словно их могли услышать там, на спасателях.

— Сюда, сюда, мы здесь!

— Не кричите, кто вас услышит, — крикнул появившийся из надстройки Песковский.

— Пусть радуется народ, может, согреться, — сказал Крищенко и крикнул:

— Моряки, никому не расслабляться. Продолжайте спасение!

И снова полетели спасательные круги, цеплялись за них люди, а рядом — без крика и стога уходили покорно в глубину обесилевшие. Все меньше оставалось их там, в трюмах, а те, кто остался, держались за дерево рыбинсов, напрягали все силы, чтобы не сорваться в воду, не выплыть вместе с волной на свет, не веря в спасение там, за границей люка.

Встреча в Москве, в Правлении Союза писателей России: (слева направо) Лев Князев, Андрей Тарханов, Николай Денисов.

Фото Н. Кочнева.

Борис Лапузин

Не продавайте
Родину
мою

Так вот какой он, рай сплошного рынка:
Чем честь дешевле, тем дороже хлеб.
Реклама в слове, в музыке, в картинках —
Зашоренный рекламой, город слеп.

Пространство задыхается в рекламе,
В ее архитектурном метраже.
И улицы торговыми ларьками
Застроены, заставлены уже.

Купите! — предлагают нам, — купите!
Валютой предпочтительней расчет.
Любой товар — заботливость о быте —
Устроит, успокоит, развлечет.

Купите — от иголки до мотора.
Торгуют всем здесь ради барышей.
Ни слесаря, ни пряхи, ни монтера —
Переродились люди в торгашей.

Торгуют всем, случайно, не случайно,
Все продают: и танк, и мерседес,
И нефть, и государственную тайну,
И фабрику, и озеро, и лес;

И древних книг пергаментные главы,
И драгоценность с царского венца,

И горестный посмертный орден Славы
За Сталинград погибшего бойца;

И чью-то дочь родную, если хоча,
Реклама предлагает: продаю!
И покупают то, что продается.
Не продавайте родину мою.

Не продавайте села, град престольный,
И поле с ветерками по жнивью.
За «шарпы» и «тойоты», и «линкольны»
Не продавайте родину мою.

Оставьте внукам пушкинское слово
И песенность народную — молю! —
И чудные полотна Васнецова...
Не продавайте родину мою.

За звезды, за чины, за эполеты
Не продавайте родину мою.
Сражались за нее отцы и деды
И отстояли столько раз в бою.

Не продавайте родину мою
За капитал по Ротшильду, по Марксу,
За место в ананасовом краю,
За все на свете «сникерсы» и «марсы»
Не продавайте родину мою!

Елена Обоймина

Шар покачнулся
огромный земной.
Это случилось, случилось со мной!
Будто столетья уже — не года —
в мертвом заливе чернела вода.
Думала, век у туманной земли
я доживу, как могу, без любви...
Как хорошо — это было вчера.
Ясные, с неба пришли вечера.
Пусть не увижу тебя никогда...
Шар покачнулся! Упала звезда!

А я прозрела — вот ведь чудеса! —
уже душа не ведает печали,
и трезво я гляжу на небеса,
которые мне счастье предвещали.

Ни камушка, ни рытвин на пути,
ни тяжести, что сдавливала плечи,
и весело нелюбящей идти
без тайнства, без песенности речи.

Такая ясность странная в груди,
такая беззаботность, легкость тела...
И сразу жизнь осталась позади,
и Бог спросил:

«Зачем же ты прозрела?»

Дух времени

А затихнешь чуть порой —
скрипнет где-то половица:
ходит в доме домовой,
и вздыхает еле слышно.
Ходит-бродит домовой,
ищет, чем бы поживиться.
Ничего он не найдет —
только полочки пустые.
Стон исторгнет из груди
и взъерошится, как птица:
«Изведут меня, поди,
на Руси опустошенной...»

Владимир Тыцких

Лишь пару писем в Киев из Самары
Да снимок сохранили мне года.
На снимке я в тельняшке, друг с гитарой,
А в центре вы — безумно молода.

Шел поезд, и луна бежала следом.
Вы на луну глядели из окна.
И думал я, с чего начать беседу,
Не ведая, чем кончится она.

И дал мне бог попутчицу такую!
Вы были словно роза на снегу.
Я тридцать зим без вас перезимую.
И тридцать лет забыть вас не смогу.

Ваш теплый крестик в вырезе футболки,
Луну в глазах и шепот до утра...
Но вы сойдете с поезда у Волги,
А мне придется ехать до Днепра.

В том поезде мы были лучшей парой.
Но, многие увидев города
И пролетев раз двасти над Самарой.
Я в ней не бываю никогда.

И дал мне бог попутчицу такую!
Вы были словно роза на снегу.
Я сорок зим без вас перезимую.
И сорок лет забыть вас не смогу...

Вот приехал на родину... Странно —
Мне теперь за граница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена.

В кои веки я здесь, в кои веки...
Все не так здесь, как было всегда.
Только вспять не повернуты реки,
Да текут — неизвестно куда.

Вот — сплошные канавы да ямы
По пути на убогий погост,
Где под глинистым холмиком мама
Отдыхает от пролитых слез.

Вот — за серой оградой кладбища,
Как последний солдат на посту,
Появляется сумрачный нищий
И идет от звезд ко кресту.

И, готовый упасть и заплакать,
Средь заброшенных русских могил
Прохожу я, весьма косолапая,
Как отец мой нетрезвый ходил.

В кои веки приехал дней на пять.
Погощу в загранице моей.
...Я б, наверное, спятил иль запил.
Только маленьких жаль сыновей.

Об авторах-дальневосточниках

Авторы настоящих публикаций — известные на Дальнем Востоке и в России писатели и поэты. Они представляют, естественно, только часть того литературного процесса, который всегда был и есть интересным, талантливым в нашем дальневосточном Приморье.

В самом деле: Лев Николаевич Князев в прошлом военный моряк, инженер, журналист, автор многих книг прозы, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин г. Владивостока, руководитель писательской организации в настоящее время.

Борис Васильевич Лапузин. Создал и много лет руководил краевым литературным объединением, которое вырастило восемь профессиональных писателей. Его усилиями восстановлена память о выдающемся русском поэте Павле Васильеве — во Владивостоке поэту П. Васильеву открыта мемориальная доска. Недавно Борис Лапузин издал свое избранное — «Постыжение Божества».

Елена Николаевна Обоймина окончила Дальневосточный госуниверситет, факультет журналистики, работала в издательстве, в газете. Стихи публиковала во многих московских журналах. В Дальиздате выпустила два сборника стихов.

Тыцких Владимир Михайлович. Поэт учился в молодости в медицинском училище, затем окончил высшее военно-морское политическое училище. Служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Капитан второго ранга запаса. Он автор шести сборников стихов, среди которых «Центральный отсек» и «У русского Босфора», что вышли в Приморье.

ТРОПОЙ ТРОЯНА

«Слова о полку Игореве» до тех пор останется непонятным в своих литературных и исторических основах, доколе нам не удастся рассеять густой туман, окутывающий деятельность двух великих личностей — Бояна и Трояна».

А. В. Лонгинов.
Историческое исследование
сказания о походе
Северского князя
Игоря Святославовича
на половцев в 1185 году.
Одесса, 1892 г.

Автор названного в эпиграфе труда, проведя добросовестнейшим образом исследование текста «Слова о полку Игореве» в привязке к историческим источникам, опубликовал свою монографию более ста лет назад. Однако А. В. Лонгинов, умнейший человек своего века, хорошо сознавая, что и он не достиг желаемого, словами «...доколе нам не удастся», собирая в слове «нам» себя, современных ему исследователей «Слова» и нас, пришедших на смену им, передает эстафету исследования «Слова» именно нам, своим потомкам. Это справедливо!

Со времени опубликования монографии А. В. Лонгинова, тем более, со времени открытия «Слова» графом А. И. Мусиным-Пушкиным, образно говоря, «много утекло воды» литературоведческой. Однако в исследовании «Слова» не все — «вода». Приоткрыта завеса тайны над древнерусским певцом Бояном, правда, годы его жизни доселе не установлены, но не это главное. О Бояне сказано основное; кем он был в жизни его современников и в истории Киевской Руси. До сих пор остается тайной другой персонаж «Слова» — Троян. Кто он?! Бог славян-язычников? Царь предтечи славян — венедов, сколотов, скифов?

Князь первых славян или древний поэт-песнетворец, предшественник Бояна?.. Молчат летописи тех веков. Молчат сказания. Уничтожены первые? Стерлись в памяти поколений вторые?.. Да, в годы татарщины много сожжено на Руси монастырей с их хранилищами национальных святынь в хронографрах и свитках. А сколько их сгорело в кострищах навязанного нашим предкам ритуала, благословенного зятем византийских императоров, прославленным в русских веках Владимиром-Крестителем?! Это был жесточайший правитель, волею которого погибла величайшая из культур мира — славянское язычество. В кострищах, разожженных византийцами, горели тогда не только памятники праславянской и славянской письменности, в них заживо сжигали славянских волхвов с их кумирами — статуями божеств.

Во всепожирающих кострищах «крещения» были сожжены навощенные дощечки-таблицы Библии славянского язычества — Велесовой Книги. В ней ис-

тория славян и жизненные наставления, т. е. правила, каким быть славянину-человеку. Я сужу об этом по дешифровкам профессора Штепы фрагментов этого историко-литературного памятника древних славян, дошедших до нас из глубины веков, случайно обнаруженных в 1919 году российским офицером Али Изенбеком.

Крестители, прежде всего, со знанием дела старались уничтожить святая святых славянской истории и равно — духовности. Продолжатели их есть и в наши дни. Например, Д. С. Лихачев, награжденный кем-то из определенных, известных соображений «совестью русской нации», в своем интервью журналу «Огонек», редактируемому в 1980-е годы В. Коротичем, окрестил, ничтоже сумняшеся, Велесову Книгу подделкой. В свое время великий русский писатель граф Лев Толстой также немногословно отозвался о «Слове о полку Игореве»: «Сделано под старину!» Наш современник Д. С. Лихачев, по-видимому, не учел «урок» «зеркала русской революции» и, увлекшись исследованием «Слова», стал академиком, благодаря «блестящему познанию» им этого литературного памятника Древней Руси. Каким академиком? Это другой вопрос.

Д. С. Лихачеву вторит Галина Белякова в авторской публикации «Велесовой книге» и славянских древностях с подзаголовком «Велесова книга — реальность или мистификация?» (См. литературно-исторический альманах «Русская старина», Москва, 1990, с. 184-191).

Приведу выдержки: «Оба они (С. Лесной и Н. Скрипник — П. Г.), конечно, понимали, что «Велесова книга» — подделка, но ухватились за нее как за возможность как-то реабилитировать себя в глазах соотечественников...» Дело в том, что С. Лесной и Н. Скрипник во время гражданской войны в России были белогвардейскими офицерами-деникинцами и после поражения белого движения оказались в эмиграции за рубежом. Здесь-то они и занялись исследованием табличек, найденных Изенбеком, стараясь, по Беляковой, «хоть как-то реабилитировать себя в глазах соотечественников». И далее: «Итак, кто же мог написать «Велесову книгу» и что она такое? Вероятнее всего, написал

эту «древнюю летопись» и придумал всю историю с находкой дощечек Юрий Петрович Миролюбов. Создавая вокруг себя всевозможные легенды, при сочинении «Велесовой книги» он использовал материал в полне достоверный (Разбивка моя — П. Г.) и всецело принадлежащий русской истории».

Условно соглашусь, что дощечки изготовлены «мистификатором» Ю. П. Миролюбовым, но, как признает сама Г. Белякова, материал-то для написания «Велесовой книги» исторически достоверен! Из каких же источников мог почерпнуть его «мистификатор» Миролюбов?! Он почерпнул эти материалы из «Велесовой книги», которую невозможно придумать, не будучи славянским языческим волхвом, как невозможно придумать в одночасье «Слово о полку Игореве», как невозможно имитировать «Сказание» протопопа Аввакума. Логика говорит о том, что дощечки «Велесовой Книги» были подлинными, их-то и расшифровывали С. Лесной, Н. Скрипник и Ю. Миролюбов, а расшифровки текста Библии славян издал в свое время в русском зарубежном журнале «Жар-птица» белоэмигрант генерал Куренков. Как видите, кольцо истины сомкнулось: «Велесова книга» не подделка! Жаль, что по каким-то недоразумениям «Велесова книга» до сих пор не издана в России полным ее текстом. Вот поэтому-то мы до сего времени беспомощно гадаем, например, над такой строкой «Слова о полку Игореве», как «На седьмомъ веце Трояни...» А ведь в этой строке сказано многое, когда-то без подсказок и справочников понятное автору «Слова» и его современникам и в какой-то мере понятное нам: имя персонажа «Слова» — Троян, время его жизни и деятельности, кем бы он ни был в историческую эпоху — царем, князем или поэтом. Другая строка «Слова» в какой-то степени расшифровывает смысл приведенной строки: «Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи Деву на з е м л ю Т р о я н ю...» (Разбивка моя — П. Г.) Здесь з е м л я предполагает владения Трояна, если он царь или князь, а если Троян поэт, то — его родину. Я более склонен утверждать что Троян «Слова о полку Игореве» — древнеславянский князь, правитель своего княжества, названного автором «Слова» «землею Трояна», хотя мою мысль может «узаконить» только соответствующий исторический источник, каковым я подразумеваю «Велесову книгу».

Где же географически найти землю Трояна? Скорее всего, это южная окраина Киевской Руси — Посулье и Поросье, ведь после поражения Игоря половцами у «луку моря» орды ханов Кончака и Гзы хлынули именно в южные пределы державы русичей. Об этом автор «Слова» говорит поэтически: Дева-Обида вступила в землю Трояна. Однако исходя из исторической обиды, вставшей в силах внуков языческого Дажьбога, то землю Трояна без погрешности мы вправе считать Причерноморские степи, принадлежавшие некогда русичам, вместе с градом Тмугараканью, захваченными в свое время кочевниками-торками, т.е. половцами. Вот почему поэтическая Дева-Обида вступила в землю Трояна. И совсем не зря автор

«Слова» называет русичей XII века внуками Дажьбога. Этим он проводит временную параллель между событиями, происходившими в земле Трояна, т.е. захватом ее половцами и эпохой языческого божества — Дажьбога, когда он был официально признан славянским Спасом. Это отраженно высвечивает тайну слов поэмы: «На седьмомъ веке Трояна». Попытаюсь раскрыть сокровенное этих слов.

Почему для Великого Неизвестного и его современников так притягательны имя Трояна, земля Трояна, седьмой век Трояна? Значит, все эти понятия были почитаемы русичами XII века! Что же и кого почитали наши далекие предки в их время, как почитаем и мы во времени своем?.. Великие предприятия, великие события, великих людей. Кто ныне великие для нас? Александр Невский, Дмитрий Донской, царь Петр I, Екатерина Великая, фельдмаршалы Суворов и Кутузов, поэт Александр Пушкин и т.п. Из предприятий государственного значения — создание Российской империи, из событий — наши великие победы. А разве у наших предков-славян не так было? Было! Что и передано по наследству нам, что и растворено в нашей крови.

Не трудно понять, что для русичей XII века было почитаемым имя Трояна и все, что связано с этим именем. Земля Трояна, надо полагать, начальное ядро создания Киевской державы, чем для нас было Московское княжество. История уважает параллели. Троян же, по-видимому, был зачинателем создания державы русичей, кем был Собиратель Земли Русской московский князь Иван Калита. Имя этого князя по праву удержалось в русской истории, как удержалось в ней имя Трояна.

Живых уважали, если они заслуживали того; ушедших в мир иной помнили, чтя память о них, оставляя образцом помыслов и поступков. Такова, по моей мысли, судьба Трояна. Его помнили и на седьмом веке по смерти его. А посему «седьмой век» Трояна необходимо считать с последнего «века» жизни этого почитаемого нашими предками человека. Мы знаем, что Всеслав Полоцкий «метнул жребий о любимой девице», т.е. стал Великим Киевским князем в 1068 году — на седьмом веке памяти о Трояне. Значит, последний год жизни Трояна 368-ой н.э. А это эпоха рождения славянства сперва как народности, позже — нации, главенствующей среди других племен и народностей в пределах своей оседлости, будущей Киевской Руси. Если принять за историческую достоверность, что одним из первых славянских вождей был Троян, что, кстати, доказывает в своих работах русский ученый А. Г. Кузьмин, а Д. Прозоровский говорит о Трояне «Слова» как о творце, строителе «Славянского мира», в том числе русской земли, а, скорее всего, это так и было, то «норманскую теорию» происхождения киевских князей пора сдать в архив нашей истории.

...Итак, год 368-ой. С него автор «Слова» ведет отсчет семи веков памяти Трояна. Полагаю, что в это время писалась и «Велесова книга».

г. Тюмень.

● В «Тюмень литературную» с просьбой: опубликовать

Воздвигнутый в центре Москвы памятник Свердлову, виновному в бессудном расстреле царской семьи и кровавом расказачивании, снесли, проспекту Маркса вернули исконное название Охотный ряд, «но разве от этого легче?» — как вопрошал поэт. Такое впечатление, словно свергнутый бронзовый истукан с портфельчиком ожил, путем клонирования невероятно расплодился в облике реформаторов на все буквы алфавита от Авена до Ясина заполнил многочисленные кабинеты в Доме правительства, а в облике телеведущих от Гуревича до Якубовича — студии Останкино.

Дело, разумеется, не в евреях как таковых, а в «качестве» тех представителей этой национальности, коих Ельцин все годы своего правления рекрутирует и рассаживает на высокие кресла, чтобы их руками делать свои черные антинародные дела.

Мало евреев находилось на руководящих постах и при Ленине, и при Сталине. Но в большинстве своем они были знатоками порученного им дела, самоотверженными работниками. Взять, допустим, М. М. Литвинова, почти десять лет работавшего наркомом иностранных дел. Да, это еврей Меир Моисеевич Валлах, но еще и цепной пес на страже государственных интересов СССР. В первые годы революции — полпред в Англии, Эстонии, потом почти десять лет работал заместителем наркома, и только после всего этого его назначили наркомом. Сравните его с недавним коллегой и соплеменником Козыревым. Никому неведомый чиновник, ничем не примечательная личность, он был извлечен Ельциным из недр МИД и посажен вершней дипломатии великой державы. Больше всего своей податливостью, своей любезностью он нравился американцам. Так нравился, что президент США, как известно, умолял нашего не трогать это сокровище и не гнать в шею... Словом, Литвинов и Козырев — это государственный муж и стряпчий.

Вспомним из прошлого еще несколько еврейских имен. Что, кроме восхищения и благодарности, могут вызвать у нас знаменитый физик Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских и Ленинских премий А. Ф. Иоффе; один из создателей нашей атомной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда Ю. Б. Харитон; дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Д. А. Драгунский; генерал армии Герой Советского Союза Я. Г. Крейзер; летчица Герой Советского Союза П. В. Гельман; великий шахматист М. М. Ботвинник; замечательный композитор И. О. Дунаевский; певец Большого театра М. О. Рейзен, имевший не только три Сталинские премии и два ордена Ленина, но еще и два Георгиевских креста; леген-

дарный тяжелоатлет Г. И. Новак и многие другие?

Сравните их с евреями ельцинской тотальной мобилизации. Ведь здесь олух на олухе сидит и олухом погоняет. Взять, допустим, самого корифеистого из них — Гайдара. В таких табакерках

улучшенной планировки, как «Правда» и «Коммунист», всю жизнь занимался он экономикой, но так и не извлек из нее ничего, кроме докторской степени. Но когда выскочил из приоткрытой «новым мышлением» щелки и Ельцин спросил его: «Фемистоклос, хочешь быть главой правительства России?», он, как все они, как и недавний Кириенко, тотчас выпалил: «Хочу!» А когда стал главой и объявил «либерализацию цен», то уверенно провозгласил: «Цены поднимутся раза в два-три, и после этого вскорости начнется небывалый экономический подъем и наступит золотой век». И что же мы увидели? Цены подскочили не в два-три, а в сотни, тысячи раз, сожрав все сбережения народа, и никаким подъемом до сих пор не пахнет нигде. Таким образом, ограбление русского и всех других народов страны, учиненное Ельциным еврейскими руками, превзошло все расказачивания и раскулачивания, осуществленные в свое время при ведущей роли отцов и дедов обладателей названных рук. В любой стране грабителя народа судили бы, а Ельцин лишь спрятал его в какую-то новую комфортабельную табакерку вроде академии, института или фонда. Авось еще пригодится. И это повторяю, самый крупногабаритный, по словам Ельцина, самый умный из всех обитателей табакерки.

И вот такие злокачественные персонажи мельтешат ныне повсюду. Но этого мало! Ельцин ставит их на самые важные, ответственные посты, их устами оглашает наиболее бесстыдную ложь, их руками делает особенно грязную работу. Разумеется, это есть ни что иное, как государственный антисемитизм, разжигание его в крайне изощренной и коварной форме. В самом деле, что, кроме ненависти народа, могли и могут вызвать, допустим, премьер Гайдар, очистивший все наши сберкассы и продолжающий болтать о прогрессе, или вице-премьер Чубайс, сначала вращавший, будто ваучер — это две «Волги», а потом подаривший за 5-10 процентов стоимости наши фабрики и заводы бывшим комсомольским активистам. Но ни эти

два корифея, ни Немцов, прозванный Купидоном, ни все лившицы, одержимые сиюминутной выгодой и хватательным рефлексом, не видят коварства Ельцина, не понимают, что рано или поздно гнев терпеливого русского народа обрушится со страшной силой на их

Владимир Бушин

**НЕ УМИРАЙ РАНЬШЕ
ВРЕМЕНИ!**

некрепкие головы, черные и рыжие, кудрявые и лысые. Гнев народа может перекинуться и на ни в чем не повинных евреев. Ведь каждому не объяснишь, что они бывают разные, что, мол, прекрасный писатель Шолом-Алейхем тоже еврей.

Ельцин не так дремуч, как выглядит. Евреи требуются ему в неограниченном количестве так же, как многим королевским дворам средневековой Европы требовались швейцарские ландскнехты и кондотьеры. Но порой Ельцин все же не выдерживает своего «цивилизованного антисемитизма» и время от времени учиняет открытые мини-погромы. Так, в свое время взял и безо всяких объяснений выставил на улицу несчастную Галину Старовойтову, числившуюся у него советником по национальным вопросам. По каким же еще! А совсем недавно, как писали наши и зарубежные газеты, позвонил Борису Березовскому и сказал: «Слышал я, милейший, что у вас тут, в нашей России-матушке, собственности много. Заводы, нефтяные промыслы, телевидение... Так вот, в некий час «икс» все это у вас может исчезнуть. Если не прекратите свои еврейские штучки, я вас вышвырну из страны, как неандертальца вышвырнул из Совета безопасности». И ведь мало того, не только наговорил подобных страшных гостей бедному Абрамычу, но потом еще и расказал об этом космонавтам, которым вручал награды!.. Но, конечно же, повторяю, это лишь маскировка и положение остается невыносимым.

Казалось бы, возвысить голос тревоги первыми должны писатели. Краснодарский губернатор Н. И. Кондратенко на страницах «Правды» называл четырех: самая что ни на есть «совесть народа». Но, увы, они и слова-то «еврей» избегают.

Ну уж если не писатели, то всенепременно должны бы ударить в набат коммунисты, вдохновленные своими учителями. Я уж не упоминаю Маркса, который говаривал: «Нам радостна эта работа — называть вещи своими именами». Но ведь даже деликатнейший Плеханов, женатый, между прочим, на ев-

рейке, не постеснялся сказать, что сионисты-бундовцы хотят «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах Российского государства» (Соч. М. — Л., 1926, т.13, с. 165). А Ленин был еще круче. «Дорогие друзья! — Писал он в 1913 году из Кракова. — Если молчать, то еврейские марксисты завтра верхом будут на нас ездить... Бунд приспособляет социализм к национализму». (ППС, т.48, с. 134-135).

И вот пришло время, не марксисты, а демократы еврейские уже едут на нас, на всей России верхом. И где же ученики Маркса, Плеханова и Ленина во главе с товарищем Зюгановым? Уж дальше-то чего ждать? Когда Старовойтова в прямом смысле оседлает вас, Геннадий Андреевич, и станет погонять Буничем? Ленин клялся: «Мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи» (там же, стр. 169). А ведь принципиальную позицию нельзя сдавать не только сволочи, но и таким ангелам, как Старовойтова. Нет, китайцы лучше учились у Маркса, Плеханова и Ленина. Оттого и рост экономики составляет у них каждый год процентов 10-15.

И вот, не дождавшись ни писателей, ни коммунистов, в защиту евреев от кремлевского антисемита, сказал губернатор пятимиллионного Краснодарского края. Сразу замечу, кое в чем я с ним не согласен. Раз уж только что была упомянута «бундовская сволочь», то начну с утверждения автора о том, что «в Бунде состоял и Владимир Ильич». Но потом он «резко порывает с сионизмом». И покушение Каплан объясняется здесь тем, что «они (сионисты) не могли ему такое предательство простить, они его, похоже, и умертвили». Все это имеет такую же степень достоверности, как заимствованные, видимо, у сказочника Ф. Чуева «валенки Сталина, подшитые им собственноручно». Ни в каком Бунде Ленин не состоял, никаким сионистом быть не мог. За словами о принадлежности Ленина к тем, кого он сам называл сволочью, видимо, стоит намек на старые побасенки о еврейском происхождении Владимира Ильича со стороны матери Марии Александровны, урожденной Бланк...

Едва ли не членами Бунда тов. Кондратенко аттестует нам и некоторых других известных деятелей нашей истории. Например, маршала Тухачевского Михаила Николаевича, дворянина, кавалера орденов Анны трех степеней, Станислава двух степеней и Владимира IV степени. А уж Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев Леонид Ильич («он по корням — из них») точно бундовец. Ну, разумеется, и жена его Виктория

Петровна была оттуда же. Но я скорее поверю, что Наина Иосифовна — кооптированный член Всемирного еврейского конгресса, чем Виктория Петровна — оттуда. Да и зять ее, Чурбанов, недавно по телевидению решительно отверг причастность тещи к подрывной работе Бунда. Кому же знать, как не зятю!

Возьмем справочник «Евреи в русской культуре» (М., 1996), составленный журналистом А. Ф. Козаком. Анатолий Федорович в великой печали: «Сегодня евреев около полумиллиона, в 280 раз меньше всех россиян...» Если так, то почему же их на телевидении в 140 раз больше всех россиян? Ответа нет, продолжают стенография: «Еврейство в России завершает свой короткий век. Еще два-три десятка лет и евреи станут на евразийских просторах СНГ реликтами...» Козак безутешен и жаждет хоть как-то помочь беде: «Пока не поздно(!), надо рассказать о представителях этноса, тающего буквально на глазах подобно последней апрельской льдинке...» Представляете, адвокат, именующий себя Макаровым, — апрельская льдинка? В чем же, однако, причина столь достослезного настоящего и столь трагического будущего? А это, говорит, «результат постоянной антисемитской пропаганды и юдофобской политики коммунистического правительства». Но кто занимался антисемитской пропагандой, кто проводил звериную политику — кровавый Лев Троцкий? Жестокий Лев Каменев? Коварный Лев Мехлис? «Останавливаться на этих факторах не входит в нашу задачу», — тут же потупил очи Анатолий Федорович. Едва ли ответит он на вопрос, как при постоянной антисемитской пропаганде и юдофобской политике ему лично удалось стать автором сценариев около десятка художественных фильмов, свыше ста документальных и научно-популярных да еще отхватить премию. Неужели исключительно за счет гениальности? И как смог он протащить фильм «Долгая ночь Менахема Бейлиса», если принять во внимание, что Бейлис был евреем, а не турком? Ведь уже не было в живых ни одного из 83 деятелей русской культуры, выступивших когда-то в защиту Бейлиса, — ни Горького, ни Короленко, ни Блока, ни Куприна, ни Леонида Андреева, ни Мережковского, ни Вернадского... Я уж не спрашиваю о том, как удалось при антисемитской власти так отменно преуспеть в жизни и работе более чем тысяче евреев, включенных в справочник, — народные артисты! герои! мультиторденыносцы! суперлауреаты! — и сотням тысяч, не оказавшимся здесь.

Взять из козаковского справочника

сценариста Е. Габриловича, как дольше всех прожившего — до 94 лет! — в тисках антисемитского режима. Накатал (да, именно накатал, как оказалось) штук двадцать сценариев и не меньше книг прозы. Наиболее обстоятельно его необъятные писания исследовали знаменитые датские кинокритики И. Розенфельд и М. Гольденберг (настоящие фамилии Розенкранц и Гильденштерн). Они пишут: «В центре внимания Габриловича — простой и скромный советский человек, способный совершить подвиг во имя народа и революционного долга». Да, да, это и видим мы в фильмах по его сценариям. Кто не помнит, например, фильм «Коммунист», «достоверно рассказывающий о героических буднях 1919 года» (Розенкранц), или «Твой современник», «взволнованно повествующий о гражданском мужестве, партийной принципиальности коммуниста — сына коммуниста 20-х годов» (Гильденштерн). Сценарист особенно преуспел в разработке темы революции, образов большевиков, В. И. Ленина: «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше», «Ленин в Париже». Разумеется, получил он Золотую Звезду Героя, полдюжины Сталинских и Ленинских премий, поллуда высших орденов и кучу всяких почетных званий.

Но вот за несколько месяцев до смерти ему предложили принять участие в качестве «документального персонажа» в фильме Александра Иванкина «Монстр», снятом на американские деньги. Что за монстр? Да конечно, Сталин. И вылез Мафусаил из-под груди советских орденов, премий, звезд и прощамкал, имея в виду жизнеутверждающее советское искусство: «Я удивляюсь, неужели мы были раньше такими идиотами!» Нет, никаким идиотом он не был, когда сочинял все свои сценарии и книги, а потом бегал трусцой в Кремль за орденами и премиями. Не был он идиотом и перед смертью, прикидываясь идиотом. Всю свою столетнюю жизнь прожил он холуем и прихлебателем Со-

ветской власти. Как же не внести такого монстра, такую льдинку и сосульку в бессмертную книгу «Евреи в русской культуре». Типичнейшая фигура!

Однако вернемся к выступлению Н. И. Кондратенко. Еще больше, чем зачисление в ряды Бунда В. И. Ленина и формирование бундовского легиона из русских людей, огорчают такие, например, откровения: «В начале века, когда революционеры из-за границы к нам приехали в кожанках, нацепив парабеллумы и окрасив нас, русских, в «красных и белых, заставили стреляться (видимо, хотел сказать не «стреляться» а «стрелять друг в друга». — В. Б.), то это был сионизм». То есть человек уверен, что Октябрьская революция произошла не в результате двадцати лет бездарного правления Николая, не вследствие позорного поражения в двух войнах, угнетения народа, разрухи и голода, не из-за расстрелов демонстраций трудящихся, а лишь из-за происков кучки сионистов. Ей, кучке сионистов, удалось размалевать в красных и белых 150-миллионный народ. Его раскрашивали, а он лбы подставлял? Да как же низко вы думаете о своем народе! Мой отец по своему положению — царский офицер — был вроде белый, но в 17-м году он, сын морозовской ткачихи и тульского крестьянина, без колебаний встал на сторону народа и стал красным.

Но это дела чуть не столетней давности. А как же вам представляется нынешнее положение страны? Тоже кучка сионистов разделила народ на предателей и патриотов? А кто разделил нас на богатых и нищих? Кто развалил страну? Да, правительственные евреи сыграли во всем этом непомерно огромную роль, их ответственность тут несоизмерима с 280-й частью населения, но только ли дело в Гайдаре да Чубайсе, в Авене да Лившице? Главные-то правители и прежде всего наш наперный дружок, что, все они члены Бунда?.. Вы же сами говорите: «Русский, пока ему не крикнули с телеэкрана — геноцид! — спокойно ходит». Да уже чуть не каждый день кричат, а он все «ходит спокойно». Вот в чем беда-то!

Один из названных Кондратенко писателей пророчесствует: «Года через дватри, ежели ничего не изменится и волянка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические «завоевания»... Государство, сознательно убивающее самое себя, — такого в мире еще не бывало». Словом, ничего нам не остается, как заказывать гроб. А вот и гвозди к нему: «Через дватри года с нами начнут поступать так же, как с Ираком и Фолклендскими островами». Так неужели такие пророчества могут воодушевить народ?

А ведь автор далеко не одинок. И впереди тут, как всегда, коммунисты.

Еще когда в одной своей главной газете они с радостью поместили большую, написанную, возможно, в Париже статью Владимира Максимова «Поминки по России». Писатель и его публикаторы уже похоронили нас, видите ли. И поминки справили, и вечный упокой пожелали. Что после этого полагается? Конечно, позаботиться о надгробии. И вот, пожалуйста, — вскоре в другой большой газете коммунистов появляется новая заупокойная статья того же парижанина «Надгробие для России». Для нас с вами. Мы еще дышим, детей рождаем, а они уже изготовили надгробие, украсили золотом по мрамору: «Мир праху твоему, Россия». Так что похоронили коммунисты свою Родину по полному чину уже давно. Да еще в одной из своих газет прииллюстрировали это. На ее страницах в праздничные дни много раз появлялась бросающая в озноб картина: лежит на земле поверженная навзничь бездыханная красавица с длинной косой, в собольей шапке и роскошной шубе. Это убитая родина. И олухи эти, хороня заживо свою мать-родину, убеждены, что делают важное патриотическое дело! Вот ведь до каких пределов дошли нынешние коммунисты!

Я не знаю, здравствуют ли нынче родители товарищей Зюганова, Чикина и Ильина. Хочу думать, что здравствуют. И вот, представьте себе, приходит к этим товарищам художник и говорит: «Хотите, за небольшую плату я изобразю маслом вашу любимую маму в гробу или нарисую поминки вашего отца?» Неужели на это они согласятся? И неужели не видят прямой связи между этим гипотетическим предложением и тем, что они сами уже сделали в отношении матери-родины?..

Вот и вы, товарищ Кондратенко, уверяете честной народ: «Сионизм завладел Россией...» Да, завладел «Белым домом», телевидением, почти всеми газетами, завладел и слабыми душами, но это еще не вся родина, Николай Игнатович, не вся. Помните, у Алексея Толстого? «Останется один уезд — и оттуда пойдет Россия». А для этого надо начать хотя бы с небольшого. Например, выйти на очередные демонстрации с лозунгом «Вон из «Белого дома» бундовскую сволочь!» Или: «Долой кремлевского антисемита!» Или: «Слава Сергею Кириенко, молодому перспективному губернатору острова Шикотан».

г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя статью известного русского писателя Владимира Сергеевича Бушина «Не умирай раньше времени», написанную как отклик на известное, нашумевшее выступление губернатора Краснодарского края Н. И. Кондратенко, напечатанного в «Правде пять», отмечая актуальность и злободневность затронутой темы, где, на наш взгляд, присутствуют и спорные суждения автора статьи, редакция — в порядке послесловия к данному материалу — решила опубликовать фрагмент малоизвестного письма ученого, государственного деятеля России В. Н. Татищева к «Рычкову П. И. и другим ученым мужам»:

«Их (евреев) сначала было много в России и во время Великого князя Владимира II, в 1113 году общим определением всех князей выгнаны и закон положен, если впредь явятся — оных убивать и сие в Великой России до ныне хранится, но в малой России во владение польское, паки допущены, однако ж Указом 1743 года все изгнаны и впускают их накрепчайше запрещено...»

Добавить весьма надобно о пагубнейшей вредоносности жидов, сиречь (т. е.) евреев наилучше сказать иуд предателей всесветных, дабы полное изъяснение дать причин их изгнания из России общим определением всех князей русских в 1113 г., а не то добротных читателей может ложное мнение о жидках образоваться. Изгнаны они, иуды, из России за великие и злые душегубства убийства ядом лучших людей, людей русских. Распространение отравных зелий и тяжких смертельных заразительных болезней всяческими хитроковарными способами, за разложения, кои они в государственное тело вносят. А поскольку ни совести, ни чести, ни правды у жидов и в помине нет, то впускать их обратно в Россию — деяние, много хуже государственной измены. Маю (думаю) я, что государство или республика, где жидов zelo много, быстро к упадку или гибели придут, понеже или (так как) евреев — семена разложения, злопагубного пренебрежения родными обычаями, добрыми нравами повсюду вносят. Особливо опасны, они — природные ростовщики кровососы, тайные убийцы и всегдешние заговорщики для Великой России. Понеже (т. к.) народ Великоросский самый мужественный на земле, честный и трудолюбивый, но прямодушный и чистосердечный, что немалую помеху к распознаванию жидов, тайных иезуитов и масонов составляет.

Безмерно гостеприимство народа русского. Сим (этим) некогда пользовались, а могут и в будущем пользоваться, если МЫ ИЛИ ПОТОМКИ НАШИ МУДРЫЙ УКАЗ 1743 года ЗАБВЕНИЮ ПРЕДАДИМ».

С.-Петербург, 1795 г.

В. Н. Татищев.

Жесткие, беспощадные слова.

И что примечательно, Закон русских князей 1113 года и Указ 1743 года никто из законных правителей России правительственных этих документов — НЕ ОТМЕНЯЛ.

Рисунок Е. Войшвилло.

*«Летучий голландец» –
зловещий корабль-призрак.*

Шюмень литературная

ВОЗЗВАНИЕ К РУССКИМ

Православные братья и сестры!

К нашей национальной трагедии, мы, русские, накануне нового века и тысячелетия, оказались в духовно-культурной и хозяйственно-государственной опасности. Заметно ослабло в нас национально-державное самосознание, что и привело к политическому и экономическому тупику. И по всем данным от этого жестокого пленения без всерусского духовного и физического единства нам не освободиться. Не теряя времени нужно соединить все русские умы и таланты, как на родной земле, так и рассеянных по Вселенной. Продолжать находиться в разделении и бездействии — есть великий грех и преступление по отношению к предкам и потомкам. Революции и перестройки были у всех народов и во всех странах, но такого продолжительного предательского и нечеловеческого отношения к себе ни у кого и нигде не было. Позорно нам, русским, оставаться в потерянном и губительном положении, имея величайшее духовное, культурное и научное наследие, которое, как известно, повлияло на развитие всего человечества! Да и живем-то мы на святой, намоленной, красивой, богатой и родной земле! Началом к единению может послужить проведение Вселенского Русского Вече — «Зов Руси» в столице России-Матушки! Такое историческое и знаменательное событие будет и толчком к изживанию политических и географических границ. Поможет очистить себя от политических и злых ярлыков: иммигранты, зарубежные, красные и белые, чужие и свои... Призываю, молюсь и надеюсь, что нам с Божьей помощью, русской мудростью и духом удастся совершить своего рода «чудо» на благо грядущих поколений, чтобы они нас благодарили, но не проклинали... Чего ждут и все достойные и доброжелательные народы мира.

С верой и верностью

АЛЕКСАНДР ШАХМАТОВ,
оперный певец, публицист и общественный деятель.

Австралия

«НАС УЧИЛИ РУССКОСТИ...»

Разговор с участниками 16-го съезда Объединения кадет Российских кадетских корпусов Юрием Ольховским и Георгием Волковым. Беседует главный редактор «ТЛ» Николай Денисов.

Н. Денисов. Восемь лет тому назад я получил письмо из Венесуэлы: «Глубокоуважаемый господин редактор!» Только-только я начал выпускать газету, слух к таким обращениям еще не привык, в другом мире вырос... Но письмо было по-русски, хорошее письмо. Тогда и завязалась моя переписка с Русским Зарубежьем, сначала с автором письма Георгием Григорьевичем Волковым, потом с другими русскими в разных странах. И — еще моя поездка к вам, в Венесуэлу, гостевание Волкова в Тюмени, Тобольске. Я открыл для себя новый русский мир, как затем и наши читатели. Вот оно — Русское Зарубежье! — есть, существует, думает похоже о судьбе нашей Родины. В Советской России мало кто знал тогда об этом...

Юрий Львович, мы с Вами столько горных дорог проехали по Венесуэле, был я в вашем доме. И Вы не раз бывали в России. Но нынче Вы впервые приехали в качестве делегата съезда кадет в Москву. Знаю, что Вы очень активный человек и в издании кадетского Бюллетеня и в организаторской деятельности в Каракасе. А с какими чувствами приехали в Москву сейчас? Каковы новые впечатления от Родины?

Ю. Ольховский. Два года готовились мы к этому событию. Все было не просто. Русские нью-йоркцы, которые взяли на себя устройство съезда, много денег потратили, много потрудились, чтобы наш очередной съезд прошел на Родине, в России. Планировали провести его в Новочеркасске. Там крепкий кадетский корпус, с которым у нас хорошие связи. Но помешало отсутствие хорошей гостиницы, которая смогла бы принять всех 150 человек участников съезда. Да и у многих было желание провести съезд в Москве и бывшей столице Российской Империи — Санкт-Петербурге. Там покоится прах нашего шефа Великого Князя Константина Константиновича Романова.

Н. Д. Да, он писал стихи и известен по инициалам К. Р., которыми подписывался. Хороший лирический поэт.

Ю. О. Еще он заведовал всеми военными учебными заведениями царской России. Мы ему подчинялись...

Н. Д. Великая Княжна Вера Константиновна, которой я посылал в США нашу «Тюмень литературную», выходит...

Ю. О. Родная дочь. Ей сейчас лет 86-88...

Н. Д. Кроме суворовских и нахимовских училищ, которые были созданы в Советском Союзе, сейчас открываются и кадетские корпуса. Вы ведь, старые кадеты, причастны, знаю, к их созданию.

Ю. О. Контакты наши начались в 92-м году с суворовцами и нахимовцами. Мы провели тогда на Родине месяц. И тогда же был организован корпус в Новочеркасске, в Новосибирске — тоже.

Н. Д. Организовывали офицеры?

Ю. О. В Новосибирске, где я был, директор училища — вообще не военный человек. Он выхлопотал развалившееся помещение детского дома. Приводил его в порядок. Детдомовцы перешли на полный пансион корпуса. Постепенно переходили на полный пансион и городские ребята, что стали здесь учиться... Сейчас уже прочно встали на ноги кадетские корпуса в Москве, Ростове, Воронеже, в том же Новочеркасске, Серпухове. Написали мне письма из Барнаула, из Казахстана, там тоже создают корпус. Трудно им пока. Всем трудно. Сибирский, например, живет поддержкой местных властей. Надежда на благотворителей. Сын нашего кадета Алексея Йордана, он сейчас банкир в России, пожертвовал Воронежскому корпусу крупную сумму в долларах...

Великий Князь Константин Константинович написал в свое время 67 заветов кадетам. Мы их послали в корпуса. Учредили премию. В этом году кадета Серпуховского корпуса Александра Кошубу награждали Грамотой, как лучшего по «учению, поведению и строевой подготовке». От нашего Венесуэльского объединения вручили ему премию — 50 долларов.

В пяти корпусах проводим такую работу. На большее нет материальных возможностей.

Н. Д. От кадетской темы уходить не будем. Но задам Вам вопросы с другим уклоном... Понимаю, что все русские кадеты, что живут в Зарубежье, это большие патриоты России и у вас есть желание иметь достойных наследников. Возможно ли это в нынешней России?

Ю. О. Один из директоров корпуса как-то признался: «Мы спасли мальчишек от улицы!» Вот это важно. Мальчишек учат не только по программам Министерства просвещения, но и истории военной, истории России, Закону Божию, танцам, военным наукам. Мы помогли им соответствующей литературой. Наш Владимир Бодиско написал и опубликовал много материалов о жизни и учебе в старых кадетских корпусах...

Н. Д. Нестабильность в государстве, сами видите, противостоят, обвалы, провалы, финансовые кризисы...

Ю. О. Тут мы помочь не можем. Мы живем скромно и многое нам совершен-

но не по карману. Помогаем духовно. В Сибирский корпус мы подарили Знамя, которое выполнено специально по заказу, по нашему рисунку. Другие объединения кадет подарили такие Знамена Донскому, Воронежскому корпусам. Большого сделать и не можем.

Н. Д. Вот Вы сейчас в Москве. Какое впечатление от города, от людей, от всего? Что на душе?

Ю. О. На душе мрачно.

Н. Д. Почему?

Ю. О. Если продолжится нынешняя ситуация, я не вижу будущего России. Я вижу вас под Китайской республикой. Индия возьмет еще кусочек, Пакистан тоже может взять...

Н. Д. В Прибалтике НАТО будет стоять.

Ю. О. НАТО — это дуракавальние. Это не серьезная организация. Она создана для того, чтобы продавать оружие.

Н. Д. Я так не думаю... Но и восток может нам угрожать. Там же масса народу... Исламский мир, китайский мир...

Ю. О. Если ситуация не изменится, то это нас и ждет. Русские ракеты, я где-то читал, действительны до 2010 года. После этого — что?! Сейчас правители планируют, что армия будет состоять всего из 10 дивизий. Это безумие. Кто додумался? Потому я очень пессимистично на все смотрю, мне больно... Вся надежда на то, что кто-то придет! Какой-то сильный человек. Я считаю, что нужно единое государство, не обязательно монархия. Какой-то сильный господин, не применяя методов, которые применялись до сих пор, возьмет страну и сделает из нее державу, которую все будут уважать. Есть ли такой человек, я не знаю.

Н. Д. Как собеседник, выскажу свою мысль: Россия, в смысле ресурсов, самодостаточная, богатая страна. Кризис? Чего? Экономики? Экономику можно поднять быстро! Опыт был. Мы богатые. А почему живем бедно? Потому что — кризис власти! Те, кто у руля, они себя «показали». А как Вы думаете, Юрий Львович?

Ю. О. Кризис — во власти. Кризис в том, что ОНИ не способны остановить утечку богатств России, утечку валюты.

За границей, говорят, сейчас российских долларов больше, чем в России. Но, слушайте: они, правители, не способны это остановить или не хотят?

Н. Д. Думаю, не хотят, не желают. Значит, это враги нашей России. Предатели!

Ю. О. Да, предатели. И нужен человек, который отправил бы их в места не столь отдаленные и навел порядок.

Н. Д. Давно не был в Москве. И тоже

грустно в этом августе от нее. Одна радость — новая встреча с вами... Во время кризиса...

Ю. О. С 92-го года Москва сильно изменилась...

Н. Д. Я служил здесь, учился. И вижу — Москва сегодня не русский город.

Ю. О. Может быть... Но я о другом. Тут много сделал Лужков. Нынче улицы чисты, автобусы аккуратно покрашены, трамваи — тоже, о метро не говорю, прекрасно работает. Вчера был в музее под Манежной площадью. Там построены торговые ряды. И когда их строили, нашли старую Москву. Открыли музей. Стоит посмотреть... Вот все говорят: нету денег! Как и в Венесуэле. Но все что-то покупают, умирающих от голода не видел. Может, где-то в глубинках, в деревнях?!

Н. Д. Деревня живет нынче очень тяжело. Все развалено. Это надо видеть!

Ю. О. Верю. В городах были большие заводы, а теперь ничего нет. Я даже не представляю, чем люди занимаются, как выживают...

Н. Д. Вы общаетесь с военными людьми...

Ю. О. Недавно беседовал с одним капитаном. Нам показывали образцы новой техники. Капитан сказал: тут должен сидеть большой специалист, который может управлять и смотреть за этими приборами, а у нас же два месяца дается простому солдату, чтоб он постиг науку этих приборов.

Н. Д. Кнопки нажимать его научат...

Ю. О. Не научат! За два месяца — при такой технике! — невозможно. Так что даже здесь дела неважные. Печально. Танки новейшие продаем кому угодно. Первыми американцы их копируют. Секретнейшие образцы!.. Иногда по телевизору показывают атомные подлодки — брошенные, полузатонувшие. Жуткое впечатление. Есть у нас канал, который показывает новости из Москвы. Каждый раз, какмотришь, все хуже себя чувствуешь. Ничего хорошего я еще ни разу не видел в вестях с Родины. То бастуют, то не платят жалованья по шесть месяцев, то другое...

Н. Д. Вы далеко от Родины, не столь ощущаете все эти беды, а мы здесь каждый день. Но не у всех, к сожалению, есть воля к сопротивлению этому беспределу.

* * *

Н. Денисов. С Юрием Львовичем мы начали разговор с того, что я восемь лет назад получил от Вас, Георгий Григорьевич, то неожиданное для меня памятное письмо, с которого началась связь «Тюмени литературной» с патриотическим Русским Зарубежьем. Это было открытием не только для меня как человека и литератора, но и для многих соотечественников, наших читателей. За эти годы опубликованы с Вашей помощью, прежде всего, десятки писем от русских людей и литературных материалов из разных стран, где жили и

живут соотечественники. Газета наша одна из первых в России налаживала эти связи. Прежде всего, с бывшими воспитанниками кадетских корпусов, «рассеянными, но не расторгнутыми». Вижу, появились подражатели. Плохого в этом нет. Но, как и в литературе, в журналистике, дело это вторичное. Экзотичность — этап пройденный. Проблема в другом — эмиграция первой русской волны уже на исходе... Как и Вы, я это понимаю. Но тем острее желание — передать молодым соотечественникам то лучшее, духовное, что сохранили русские вдали от Родины, ведь русский, пока жив и есть силы, думает о будущем, о судьбе Отечества. Нынче трудно всем, кто сохранил совесть, порядочность. Вот и наша газета трудно держится, делая, убежден в этом, полезное, доброе дело...

Г. Волков. Русское дело!

Н. Д. Вы очень точно сказали: РУССКОЕ.

Г. В. Дорогой Николай Васильевич, я приехал в Москву не туристом, а с миссией, которую поручили нам наши деды и отцы: донести до России тот огонь, то пламя, ту любовь к России, ее истории, ее литературе и передать новым возрождающимся кадетским корпусам. За границей, разбросанные по всему свету, мы смогли сгруппироваться, начиная с Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Канады, Франции, Австралии, Аргентины, Венесуэлы. Мы каждые два года где-то собирались. В Венесуэле только прошло четыре кадетских съезда. И вот, можно сказать, последний съезд...

Н. Д. Будем говорить так: первый кадетский съезд в России.

Г. В. Начнем его 29 августа в Санкт-Петербурге и закончим в Москве 12 сентября. Кадетские съезды всегда были для нас праздником. И вот 16-й — праздник из праздников! Нам в этом деле — свято и великом! — помогли наши друзья — суворовцы и нахимовцы, которые в 92-м году сделали приятную дружескую встречу. Десятки лет мы не знали друг о друге ничего. И сами суворовцы, нахимовцы очень удивились, когда открыли для себя, что за границей существуют русские кадетские корпуса. Одним из первых узнал о нас полковник Исаков, когда посещал Париж. А вскоре к нам приехала делегация из России. И вот в 92-м они встретили нас в Москве — действительно, по-братски! Мы протянули друг другу руки и почувствовали, что у нас нет отчужденности, у нас много общего. Это любовь к нашей Родине — России, которая и в 92-м оказалась в очень печальном состоянии...

Н. Д. И сегодня, как видите, не в лучшем...

Г. В. Да... За эти годы прошли наши съезды в Сан-Франциско, в Нью-Йорке. На них приезжали суворовцы и нахимовцы. Но я, возглавляющий Венесуэльское объединение кадетов, скажу, что

мы все же как бы в стороне живем, на отлете, нас и осталось-то с десяток человек. И мы были счастливы, когда наш друг-предприниматель Дима Брылкин смог пригласить в Венесуэлу группу суворовцев, нахимовцев из Москвы. Они побывали в наших домах, жили с нами, познакомились с нашими близкими, с нашей жизнью. Мы переписываемся, посылаем друг другу поздравления... А сегодня мы в Москве.

Нас трое из Венесуэлы — те, кто еще может двигаться: Плотников Борис Евгеньевич, Ольховский Юрий Львович и я, Раб Божий Георгий Волков. Основная группа кадет прилетит из США сразу в Петербург.

Н. Д. Это не связано с памятью Николая II и с этими непонятными захоронениями «останков»?

Г. В. Не связано. Но мы, безусловно, посетим захоронения династии Романовых в Петропавловском соборе, лавру Александра Невского, где могилы великих людей России. Но Москва есть Москва! Закончим съезд здесь. В зале нашего друга, правнука последнего Тобольского губернатора Ростислава Ордовского. Он постоянно живет в Москве, женился на дочери известной гимнастки Ларисы Латыниной. Основал свою жизнь, вернувшись на Родину. Ему всего 35 лет... Вот меня часто спрашивают: остались бы в России? Если бы мне было тоже 35 или сорок лет, я бы остался. Но кому нужен старик почти в 80 лет? Я привык к своему гнезду и должен быть там...

В Москве находится первый Московский кадетский корпус, который возглавляет полковник Владимир Владимирович Кирсанов. Он очень энергичный человек. Его поддерживают и московские власти. У него сейчас 140 кадет-воспитанников, предлагают ему расширить корпус до 600 человек. Вот в этом корпусе и пройдет встреча старых русских кадет с новым поколением. Приедут директора других кадетских корпусов России со своими учениками. Думаю, мы проведем с ними самые лучшие часы в нашей жизни. Это мечта и завет уже ушедшего нашего старшего поколения кадет: прибыть на Родину, поднять за нее бокал, увидеть эту Родину свободной от коммунистического интернационального ига, которое не разрешало 70 лет никакой связи с нами, русскими людьми за границей. На меня пала счастливая звезда — донести заветы моего отца, который в свое время был офицером, воевал против немцев, заветы моих воспитателей, которые учили меня РУССКОСТИ, моих старших друзей, которые не дожили до этого счастливого момента, и передать этот огонь молодому поколению. Я, Николай Васильевич, приглашаю Вас присутствовать на этом торжестве и своими глазами все увидеть. Мы были за границей 80 лет, я туда попал ребенком, но я был русским, есть и умру русским.

Борис Плотников

КАДЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ

Дорогие суворовцы, нахимовцы, кадеты!

Мечты наши сбылись — мы, кадеты заграничных кадетских корпусов, донесли домой священные угли, которые нам доверили наши отцы и деды и уже ваше дело будет раздувать их в яркий огонь. Но мы, кадеты Венесуэлы и других стран, не собираемся пока почивать на лаврах, мы еще твердо держим в руках перо и чернильницу — наше последнее оружие...

Мы принадлежим к той «великой воинской семье» России, которая с оружием в руках отступала за пределы родины и, которая никогда этого оружия не выпускала из своих рук. Приказом Главнокомандующего генерала Врангеля были основаны три заграничных корпуса и мы являемся последними кадетами этих корпусов. Мало того, за восемьдесят лет за границей, отступившая армия понесла большие потери. Ушли в лучший мир генералы и полковники. Сравнительно долго держались капитаны и поручики, но и они незаметно оставили нас. И остались одни рядовые... И я с душевным трепетом отдаю себе отчет, что мои вице-унтер-офицерские погоны приобрели неожиданно особенную ценность и дают мне право чувствовать себя сейчас, в конце двадцатого века, одним из редких, оставшихся в живых чинов армии, которая первая в мире подняла свое оружие против безбожеству, чуждой свободолюбивому человечеству, идеологии. Я, вице-унтер-офицер этой призрачной армии, приветствую вас!

Осев на другой стороне нашей малой планеты на позициях, на которых так спокойно, что возникают горькие подзрения, что мы всеми забыты. Я отлично сознаю все материальные и нравственные трудности, которые приходится преодолевать вам. Я сочувствую вам, но я глубоко завидую вашему богатству, которое вы, может быть, не замечаете — вам еще не приходилось утаивать свой средний возраст и, что самое главное, вы живете у себя дома, в России!

Я привез привет молодым товарищам-кадетам новых русских корпусов России. Ваше присутствие здесь, на 16-м съезде кадет российских кадетских корпусов за границей, одно из чудес, которое ошеломило нас на старости лет. Мы завершаем последнюю фантастическую и невероятную главу в истории кадетских корпусов, а вы, кто бы мог подумать всего лишь десять лет тому назад, начинаете новую.

Мне бы хотелось передать вам традиции, которые мы впитали в себя в наших корпусах и которые бережно храним на берегах Миссисипи, Ориноко или Сены. Быть православным христианином, любить свое Отечество, иметь

высокое понятие чести, прекрасное образование, любить свой корпус, уважать и любить своих товарищей — вот короткий перечень этих традиций, сформулированный незадолго перед своей кончиной старейшим кадетом Аргентины графом Александром Александровичем Ковновичиным. Это традиции старых русских корпусов, которые дали Отечеству целую плеяду замечательных людей и верных своей присяге будущих офицеров. Это тот светлый путь, который должны выбрать вы сейчас, находясь на перепутьи.

И, наконец, дорогая Россия! Я хочу сказать тебе, что ты великая и могучая во веки веков! Нет такой силы на земле, которая сможет покорить тебя. Из далеких стран мы вернулись, наконец, домой, припадаем к твоим стопам и приносим от тех, кто еще живы, поклон и молитвы о твоём возрождении... Многие этого дня не дождалась. Они лежат по далеким кладбищам, их могилы приходят в упадок, имена их предаются забвению. Послушай их...

Белая церковь, березки, звонница,
Крест, голубые над ним купола,
Елочка, русских могил вереница...
Кладбище Сен Женевьев де Буа.
Белая Армия, Белое войско,
Андреевский флаг и Георгиевский
Крест...

Приняли жребий мы с мужеством,
стойко,
Отчий наш дом за три тысячи верст.
Нас было мало, ведь в битве
неравной
Столько легло нас в тяжелом бою!
За Веру, за Русь пали смертью
славной,
Кровь не щадя за Отчизну свою.
Нет, не ничьи, мы —

России Великой,
Честь мы спасать добровольно
пошли,
Но побежденные силою дикой,
С скорбью в душе,
мы в изгнание ушли.

Больше полвека по свету скитаясь,
Родины честь мы достойно несли,
Верны присяге своей оставаясь,
Славу былую ее берегли.
В чуждой земле,
в подпарижском кладбище,
Вечный покой мы в могиле нашли,
Прожили жизнь мы хоть скудно
и нище,

Веры, любви мы лампаду зажгли...
Детям мы нашим ее передали —
Нас не забудет людская молва!
Архистратиг на Господни скрижали
Впишет мечом наши все имена.
Мы здесь — истории повесть живая,
Вечную память нам ветер поет.
С Родины дальней пусть гость,
приезжая,

Летопись белую
нашу прочтет!

Нашу Россию с собой унесли мы,
Бережно в сердце храня и любя,
Бурей житейской долго гонимы,
Неумолимо, непримиримо,
Спим мы на кладбище

Сен Женевьев де Буа.

Наше Венесуэльское объединение кадет сильно изменилось за последнее время. Мы лишились всего нашего Правления. Мы лишились наших крымцев, нашего поэта, нашего художника. Как будто кто-то знающий выбирал себе самых лучших...

Владимир Васильевич Бодиско был нашей ходячей энциклопедией и авторитетом во всех кадетских и некадетских делах. Недаром кто-то сказал, что он был «половиной нашего объединения». Не пропуская ни одного собрания, он привозил то мешок апельсинов из своего сада, то целый ворох стихов, которые читал нам наизусть, то вызывал острую полемику на злободневную тему. Крымский корпус был его первой и последней любовью. К нам, не крымцам, относился он с некоторым снисхождением, потому что за версту было видно, что не носили мы никогда бескозырок, не отбивали твердо ногу в строгих крымских шеренгах. Занимал он место за столом после собрания — с нашими крымцами, откуда неслись всегда громкие тосты за крымский корпус, и требовались все новые бутылки перцовки. Сдается мне, что славные крымцы выливали тайком полбутылки под дерево в моем маленьком садике и потому выросло дерево кривым, как могут засвидетельствовать все, побывавшие в моем доме в Каракасе. Суждено было Владимиру Васильевичу не раз побывать на родине, где его даже ограбили, о чем он с восхищением нам рассказывал — даже, мол, разбойники в России были на голову выше наших южно-американских...

Или Александр Михайлович Слезкин — почтенный воспитанник генерала Адамовича, влюбленный в русское царское войско и в славные его кавалерийские полки. Его дом был музеем русской военной были, повсюду лежали редкие книги военных писателей, висели портреты фельдмаршалов и адмиралов. Водки он не переносил и потому был единственным трезвенником на наших собраниях, сохранявший бодрость и присутствие духа до шапочного разбора. В своем молодом сердце хранил он беззаветную любовь к русскому кадету, к русскому солдату, к русскому офицеру. Но это была не простая любовь — это было постоянное, никогда не прекращающееся служение всему тому, что являлось для него олицетворением русской воинской Славы. В нас, молодых, погружен-

ных порой в мелкий повседневный быт, старался он при каждой встрече разбудить и углубить в нас это служение. Кадетские традиции были для него чем-то священным, притрагиваться к которому мог только тот, который носил на своих плечах священные поганы.

Мне бы хотелось донести до России светлый облик нашего товарища и доброго друга Александра Германовича Генералова. Пятьдесят лет тому назад, на заре нашего тропического существования, появился он в моей скромной хате тех героических годов и остался в моей семье более сорока лет, до самого своего трагического конца. Он был холостяком и мои дети и внуки заменили ему своих, которых у него не было.

Он рассказывал детям сказки, он посвящал их в наши кадетские истории, которые и я слушал с интересом. Он учил их нашим православным молитвам, так гармонично отражавшимся в его прекрасной детской душе. Он просто верил в Бога, был верен русскому Царю и не сомневался в России.

Был Шура талантливым художником и нет в Венесуэле ни одного кадетского дома, где не висела бы на почетном месте русская тройка или берег бурного Карибского моря его работы... И умер Шура, как умер древний китайский философ, который, влюбленный в луну, бросился ее обнимать в зеркале тихого озера. Шура переходил дорогу и решил обнять весь мир, не обратив внимания на быстро несущийся автомобиль...

С самого начала в Венесуэле было нас больше сорока. Сегодня осталась горсточка, многих растеряли мы на крутых южно-американских дорогах. Но все они сегодня с нами. Я вижу вдалеке скромного донца Колю Лихарева, долготелетнего нашего секретаря, а также нашего последнего председателя Игоря Гняздовского. Вон благосклонно улыбается наш поэт Коля Домерщиков.

Гаснет луч, жизнь клонится

к закату,

Зенит давно остался позади.

И больно, больно чувствовать

утрату

Прошедших лет, прошедшего пути!

Когда встречаешь тех,

с кем юность протекла,

И вспоминаешь дни без горя,

без забот,

Тогда мне кажется,

что шутку жизнь сыграла,

И что еще возможен поворот...

Но поворота нет!

Дорога вьется в гору,

Года минувшие и юность не вернуть.

А впереди уже открылся взору

Последний поворот,

где оборвется путь...

А вон Володя Рогойский обдумывает подробности будущего нашего съезда, а рядом Володя Бодиско готовит свою речь на съезде этом. Но «кто та, в малиновом берете с послем испанским

говорит?» Это Валя Пушина. Она тоже член нашего объединения, секрет успехов которого — полное равноправие и даже некоторый перевес женского начала — с дам членские взносы не взимаются.

Я вижу отважного инженера-строителя Васю Турчанинова, корректнейшего половчанина полковника Ставровича, дорогого суворовца царских времен Пухтаевича и многих, многих других. Все они с нами на этом 16-м кадетском съезде в Москве.

Но я вижу и другие лица. В белоснежных мундирах сидят наши воспитатели, преподаватели в непривычных смокингах. За ними вижу даже тетку Харитину — поварику нашего корпуса с разодетыми по-праздничному своими помощницами...

Вон сидит второй мой отец, мой воспитатель полковник Филимонов. Он меня нежно любил, но, Боже, сколько нотаций и замечаний получал я от него ежедневно! Всё хотел он исправить в моей глубоко штатской фигуре. Моя голова была плохо острижена, ботинки не блестяще надлежащим образом, а о других вещах я сейчас и говорить не буду... Смерит он критикующим взглядом с ног до головы, поправит галстук, одернет рубашку и скажет: «Плотников, если хочешь со мной разговаривать, то потрудись молчать!».

А в первом ряду сидит директор Русского кадетского корпуса генерал Борис Викторович Адамович, который дал мне в руки меч русской воинской чести. Этот острый меч из чистой стали и он всегда со мной и служил мне надежной защитой во всех обстоятельствах моей долгой жизни. Генерал одет, как всегда, безукоризненно, на груди ордена, а в крепких руках кривая шашка, которую не выпускал он до самой своей преждевременной смерти...

«Ваше превосходительство, дорогой Борис Викторович!

Кадеты заграничных объединений Австралии, Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Франции, Канады, Соединенных Штатов Америки приветствуют вас в Москве на 16-м мировом съезде кадет российских кадетских корпусов!».

Ваше превосходительство! Ваша могила в городе Сараево взорвана варварами, которые не знали, что человеческий дух бессмертен, которые не знали, что динамит бессилен уничтожить ваши пресветлые заветы, которые, благодаря вам, живут в архипелаге кадетского рассеяния по сей день и, мы верим, будут жить в новых кадетских корпусах России...».

На 12-м кадетском съезде в Каракасе я произносил такие слова: «Каково же наше будущее? Наше будущее повинуется законам природы. Подобно солнцу, которое зародилось миллионы лет тому назад, блещет и сияет, и будет блещать и сиять миллионы лет, и, наконец, померкнет, подобно мотыльку,

который родился утром и умирает вечером... Наше объединение родилось в 1948 году и исчезнет к концу этого века — это наше будущее. Нам смены нет!»

Я глубоко ошибался! Как старославянская птица Феникс, возрождаются из пепла старые русские корпуса. Донской, Московский, Воронежский и многие другие... Неожиданно у нас появилась смена.

Дорогие кадеты новой России! Мой отец оставил мне наследство, которое позволяет мне жить достойно во всех уголках Европы и Америки. Это наследство — верность России. На протяжении моей долгой жизни я вращался все время в русских кругах. Я видел седых, увешанных орденами офицеров русской армии, которые рассказывали мне о славных делах прогремевших войн. Я видел и почти что трогал руками страшные видимые и невидимые их раны. Я видел этих людей ежедневно, говорил с ними в Берлине, Белграде, в Сан-Франциско, в Каракасе. Умирая, они завещали мне Россию. Моя мать пела мне колыбельные песни, рассказывала русские сказки, вспоминала свои счастливые молодые годы в Курске, на ее родине, в Москве. Она завещала мне, умирая, Россию.

Генерал, которому я только что рапортовал, воспитатели и преподаватели, которых только что видел в ваших рядах, нам беспрестанно говорили, писали, учили быть русскими. Даже преподаватель немецкого языка славил шестую часть света с кратким именем Русь.

У каждого из них был свой путь, свое индивидуальное понятие России. Но всех их объединял один священный идеал — ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!

С этими словами жили и умирали наши отцы и деды. Это наш русский идеал, от которого отказались безумцы. Его оплевали, высмеяли, заменив званием к мировому пролетариату, судьба которого, право же, не стоит капли крови русского крестьянина, слезы русской женщины.

Мы, русские, верим в Бога, как этому учит нас православная церковь. Пока мы будем находиться в ее лоне, Пресвятая Богородица будет неустанно молить Своего Сына о нашем спасении. «Дам тебе я на дорогу образок святой, ты его, молясь Богу, ставь перед собой», — говорила мать сыну, отправляющемуся на войну».

Православная вера — это Россия.

(В следующих номерах «Тюмени литературной» мы продолжим публикацию материалов, уже поступивших в редакцию от наших друзей — старых русских кадет, истинных патриотов нашей Родины — России.)

СИОНИСТСКИЙ ПРЕДИКТОР В РУССКОЙ КОСОВОРОТКЕ

● Прочитай,
передай другому

Странное движение стало распространяться на Кубани (только ль на Кубани! — Ред). смущая добрые души русско-православных казаков. Оно называется многозначительно «К Богодержавию» и ошарашивает многообразием уже написанных книг и новых терминов: Глобальный Предиктор, Мертвая вода, Концепция общественной безопасности России (КОБР). Толпоэлитарная система, приоритеты информационного оружия и многое другое. Русский человек, всегда уважавший большую ученость, невольно робеет перед горой такого ума и знаний, ощущая свою неполноценность и ущербность. К тому же идеологи этого движения заверяют, что Россия разваливается якобы потому, что не имеет своей государственной идеологии, а вот они придумали новую замечательную государственную идеологию: КОБР и «Мертвая вода». И если мы ее поймем и примем, то все наши беды враз кончатся и Россия заживет райской богодержавной жизнью...

В КОБР главным виновником всех наших бед назван т. н. Глобальный Предиктор. И даже демонстрируется гигантская, потрясающая воображение пирамида его власти, которая охватывает все известные нам религии, сионистские и масонские движения, мировые банки, ООН, мировые СМИ, НАТО — дух захватывает от этой несокрушимой силищи, владеющей практически всеми производительными силами и капиталами мира.

А кто на вершине власти Предиктора? То есть, кто главный враг рода человеческого? Ведь нельзя же обвинять низжестоящие звенья: сионистов, масонов, иудеев, Ротшильдов, — если они всего лишь исполнители высшей воли и верховной концептуальной власти?

На вершине пирамиды — таинственная Иерофанта — прямое наследие египетских жрецов второго тысячелетия до н. э. Об этой Иерофанте КОБР ничего конкретного сказать не может, вроде бы это две команды супергениев по 11 человек в каждой, которые обрабатывают безбрежные лавины информации, поступающей к ним со всех стран и континентов планеты, и в дискуссиях

между собой принимают управленческие решения, определяющие ход мировой истории. Почти как по мифам Древней Греции: богиня Немесида видит весь мир и немедленно карает каждого, кто противится ее воле. Недаром символ Иерофанты — всевидящее око.

Но при этом — ни одного имени, ни одного конкретного указания, где находятся эти «земные боги». Никак к ним не доберешься. В общем, виновных нет. А вот дрожь в коленках у слабонервных при виде могучего мирового иудейского царства возникнуть может.

Однако авторы КОБР виновного, до которого каждый русско-православный рукой дотянуться может, все же нашли: Библия!

По их фактологии миром правят концептуальные идеи, христианский мир, включая Россию, живет по библейским законам — это «библейская цивилизация». Главная концептуальная идея этой цивилизации записана в Библии. Библию сочинила египетская осатанелая Иерофанта. Потом эту якобы святую книгу под свою выгоду переписали иудеи. И подсунили миру!

Далее идеологи КОБР ловко извлекают из Ветхого Завета разрешительные предписания заниматься ростовщической деятельностью, указывают пальцем на современную практику Международного Валютного Фонда, загнавшего нашу страну в долговую кабалу, и делают потрясающий вывод: Библия виновата во всех современных бедах России!

Тысячу лет живет Россия по нормам православной нравственности, добилая за это время многих побед, создала русскую культуру мировой значимости, сокрушила самых могущественных завоевателей мира: Наполеона и Гитлера, превратилась в перводержаву мира, и оказывается, это не сегодняшние бездарные правители-иноверцы и иудеи виноваты в развале России, а Библия!

Можно только руками развести, что находятся простаки, которые верят такой чуши.

Но сочинители наукообразной КОБР — хорошие психологи. Они знают, что чем крупнее, наглей и беспардонней ложь, тем массы ей охотней верят. Тем более массы вче-

раших советских людей, которых 70 лет воспитывали на воинственно-атеистических произведениях Емельяна Ярославского (Губельмана) и ему подобных.

В общем, ряды воинствующих ненавистников святой книги и русского православия, что святые храмы оскверняли и светлых священников пачками расстреливали, пополнились неким московским Внутренним Предиктором, который сам себя короновал как высшую концептуальную власть в России и претендует на установление у нас своего сатанинского правления, которое в насмешку над нами назвал «Богодержавием»!

Впрочем, в КОБР все это подается не так прямолинейно, под видом стремления найти помимо Библии некое неискаженное божественное откровение. И они его находят... в Коране! Богодержавие — власть Аллаха. Но в то же время это как бы и власть Христа, ибо Коран «еврейского мессии» Христа не отрицает. В общем, чтобы прийти к предикторному счастью, нужно «всего лишь» перекрестить русско-православных в мусульманскую веру и поставить их под зеленое знамя ислама, которое держит в своей змеиной пасти КОБРА.

Даже один пересказ заумных идей Внутреннего Предиктора четко обнаруживает, чьи волосатые уши торчат из всей этой ерунды, позволяет однозначно и уверенно назвать их «Богодержавие» — сатанинодержавием. И можно лишь посочувствовать тем наивным русским, которые клюнули на эту ядовитую сионистскую приманку и в который раз сдали себя добровольно под власть осатанелых губельманов, кагановичей и бронштейнов, прячущихся под русскими фамилиями творцов КОБР.

Как же так можно? — изумится наивный русачок. — Движение «К Богодержавию» называется, а они против Бога и Библии выступают? А вот как хочешь, так и понимай. Это у нас, у русских все по праву, по справедливости, с уважением к человеку, чтобы не запутать его и не сбить с толку. А у них — все наоборот и православный русский закон им не писан, Библию с ее нравственными заповедями — в му-

сорный ящик, земных предикторов вместо Бога, а государство Сатаны богодержавием называть.

Для чего это им нужно, голы людям морочить? — снова удивится простодушный человек.

А это им нужно, чтоб себя утвердить, и власть в России захватить. Если миром правят концепции и если библейская концепция никуда не годится, то вот вам КОБР — «от-т-личная концепция» — вместо Библии, и вот вам Внутренний Предиктор взамен Христа — стели коврик и молись на него. Сионизированных опостылевших народу сегодняшних правителей — в яму, а им замена уже подготовлена: такой же, только еще более яркий и коварный коллективный сионистский предиктор. Пролет русский народ потоки крови, пока Чубайса с Ельциным сбросит, а в итоге себе на шею посадит еще более страшного сионистского людоеда.

А еще предикторам нужно осуществить давнюю мечту сионистов: столкнуть православный мир с мусульманским в истребительной гражданской войне, уничтожив сразу двух своих главных врагов: арабский и русский народы. Ведь идеологи КОБРы поджигают мусульман, развенчивая святую книгу христианского мира, и в то же время укрепляют материалистов-атеистов из числа заблудших русичей, раскалывают (и уже отчасти раскололи) и ослабляют православное казачество и весь русский православный мир. Отвергая Ленина и Маркса, но прославляя Сталина, раскалывают прокоммунистически настроенные массы народа. Унижают и смешивают с грязью русских, веками якобы поклоняющихся религиозной догме библейского ростовщического процента, придуманной для них коварными иудеями.

Но опять же (нет предела коварству иудея!), предвидя сомнения относительно национальной принадлежности авторов русофобской антиправославной КОБРы, они каждую свою книгу снабдили многозначительной фразой, что данное произведение «является достоянием русской культуры!» А одну из книг — «Руслан и Людмила» — даже специально посвятили одно-

менной юношеской поэме русского национального гения для прикрития омерзительной русофобской сущности хищной КОБРы. Дело тут в том, что поэму Пушкин писал, еще находясь в Царскосельском лицее, который в то время попал под влияние масонов. Современники Пушкина критиковали это полудетское незрелое произведение поэта за боготворческие идеи подмены мировой власти Отца Небесного земной властью колдунов и волшебников, что является отличительной чертой мифологии иудаизма в противовес христианству.

В общем, по КОБР в итоге получается, что во всем виноваты не иудеи, и даже не Глобальный Предиктор и тем более не послушные им дисциплинированные и организованные евреи, а сам русский Иван-дурак, верящий в Библию, не знающий, кто им управляет, и не понимающий, что он — безмозглая толпа и игрушка в руках просвещенных всесильных предикторов. А давно известно, что если совестливому русскому народу привить комплекс вины, — то бери его голыми руками, что и пытаются делать сионисты-кобровцы, учредившие движение к иудейскому «Богодержавию».

В общем, братья русско-православные, в Отечественную войну нам в тыл враг диверсантов посылал в советской офицерской форме; а сегодня информационная Отечественная война идет и к нам посылают диверсантов, блондинов с голубыми глазами и в русской косоворотке. Но тех диверсантов мы раскусили и похоронили, неужели эти нас проведут и похоронят?

РУССКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР.

Примечание редакции «ТЛ». На КОБРовское «достояние русской культуры» клоунада, как говорят, и наша «ТЛ». В предыдущих номерах мы опубликовали отрывки из богодержавской работы «Руслан и Людмила». «Привлекательность» этих материалов в том, что в них присутствует как бы правда, похожесть на правду, на истину. Вышенапечатанным материалом Русского аналитического центра надеемся внести определенную ясность в сущность «Богодержавских» планов и устремлений.

В самом деле: не дай нам Бог, русские, обмануться еще раз!

Тюмень литературная

Взгляд из провинции

Россия с ее богатейшими ресурсами не дает покоя Западу, а потому он плетет и будет плести постоянные интриги против нее.

Н. Данилевский.

Эти слова русского философа мир услышал еще в XIX веке. Они не утратили своей значимости и сегодня, в конце российского XX века. Текущий год особенно показателен в этом отношении. Средства массовой информации — каналы ТВ, радио, московские газеты — своей голословной трескотней все уши прожужжали нам, провинциалам, о так называемых реформах, якобы жизненно необходимых для России и о ее дальнейшей судьбе. Но средства массовой информации всего лишь податели «реформаторских новостей», а кто же вдохновители всей этой трескотни?.. Кучка известных еврейских банкиров, на содержании которых находятся СМИ центра.

Куже того, областные газеты — за редким исключением — ТВ и радио взахлеб подпевают московским. Слово оппозиции доходит до читателя как редкость.

Правда, есть в современных российских потемках и освещенные окна. Московский журнал «Наш современник» — одно из лучших изданий патриотической направленности.

В «Нашем современнике» печатаются материалы авторов самых разных взглядов — от монархистов до коммунистов: писатели, артисты, ученые, дипломаты, священнослужители, все те, кто душою предан России и ищет пути ее выхода из «демократического» развала и хаоса. Взгляды их и хотелось бы подчеркнуть, напомнить о них читателям «Тюмени литературной».

Всякий взгляд в будущее начинается с анализа сегодняшнего и предшествующего времени. Анализ слова Советского проекта важен для всех нас. Он предельно четко дан в статье ученого С. Г. Кара-Мурзы «Обездоленные в СССР» на основе учения Антонио Грамши, основателя и теоретика Итальянской компартии. Его труды — теория государства и революции — для современного общества. В этих вопросах А. Грамши сделал множество открытий общенаучного значения. В чем суть его теории?

Согласно А. Грамши, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Овладение собственностью как экономической основой власти недостаточно — господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается. Государство, какой бы класс не был у власти, стоит на двух «киотах» — силе и согласии. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется устойчивая коллективная воля.

В нашем же современном «обществе» при гегемонии собственников пример разрушения культурного ядра мы видим постоянно в телепередаче «Старая квартира». И в нашей, а точнее — уже полунашей Тюмени есть такой пример: «Центр национальных культур». Задача его поддерживать все культуры, чтобы избежать слома РФ. Перечислю культуры, входящие в этот центр: украинская, татарская, русская, азербайджанская и другие. На их развитие выделяются средства из областного бюджета: всем «сестрам по серьжкам!» Но ведь русских в области 85%, и уравнивать их с другими, значит, разрушить культурное ядро региона и государства. Есть добрая традиция, которую сегодня усиленно игнорируют: хочешь жить по своим укладам — живи дома. А коль живешь не на своей исконной земле, уважай традиции народа, у которого «загостился». Хотите говорить на своем языке, говорите, оберегайте

традиции своих предков, но не лезьте со своим «установом в не свой монастырь!» Нагляден пример японского народа: усвоив западные технологии, он не поддался Западу и сохранил свое национальное ядро.

В публикациях С. Г. Кара-Мурзы «Проект будущего и критика советского строя», «Путь России и Советский проект» речь идет о том, что у нынешнего «демократа» Ельцина нет проекта будущего России, идет только слом ее.

Нетрудно понять, что критика Советского проекта в плане национально-государственного идеала и практики ошибочна в своих фундаментальных посылах. Государственность не в мародерах-собственников, а в «красных» трудящихся-рабочих, инженерах, агрономах, врачах, педагогах.

Путь России после второй мировой войны аналогичен японскому, т. е. оживление и «починка» структур традиционного общества. Только восстановив культурное ядро русской нации, смогли восстановить традиционное общество.

Автор статьи «За реформы — всегда, за утопии — никогда!» Т. Окулова-Микишина говорит о тех, кто и как готовил нынешние «реформы» — о «жуках-древоточцах», и она права.

Действительно, выскабливалось, прежде всего, все русское, чтобы держать русское население в узде; в людское сознание внедрялись мифы о якобы господстве, гегемонии русских в Союзном государстве, об их великодержавном шовинизме. Но если бы действительно существовала власть русских, в России не было бы депопуляции Нечерноземья, Европейского Севера, ни истощения чернозема и очень многих других общественных забот и болевых проблем, как материального, так и духовного плана.

Автор публикации прямо называет имена харизматов: Г. Арбатов — директор института США и Канады, международник; Н. Иноземцев — (кличка «кока-кола»); Ф. Бурлацкий — гл. редактор «Литературной газеты», автор книги «Вожди и советники»; Шахназаров — советник Горбачева; дутые экономисты Богомолов, Аганбегян, Заславская, автор теории неперспективных деревень; Шаталин, Яковлев — при их «русских» фамилиях. В поношении всего русского отличились господа Грачев и Черняев. Последний на языке одесских подворотен поливает грязью писателей России В. Белова, В. Распутина, М. Алексеяева, А. Иванова, П. Проскурина.

Проводится планомерная кампания по извращению и выжиганию в душах людей всего святого русской нации. Что поставить защитой?

Сейчас и всегда сильные духовно люди должны системно, постоянно поддерживать, утверждать, скреплять волю населения к сопротивлению «хорькам». Иначе — ад. Ад — всем! Времени на раздумье нет.

Замечу: народ не принял «демократическую» власть лавочников и хапуг, и забастовка россиян 7 октября с. г. — не тихое рычание внутри. И она не последняя. Ненависть народа к узурпаторам пока таится, накапливаясь, но она взорвется как месть за то наслаждение, которое получили «реформаторы» от унижения ими народа.

Прочтем заповедь И. В. Сталина:

«Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения, будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не смогла подняться. И все же, как бы не развивались события, пройдет время и взоры новых поколений будут обращены к делам и Победам нашего Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

На нашем!

Тамара Шумихина.
г. Тюмень.

Коллаж В. Тюрина

*Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющейся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, —*

*В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звезды в красоте нетленной.*

*И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.*

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

«МАЛИНОВЫЙ ЗВОН?..»

*Бери гитару, будем рисовать!
(Из новорусской песни).*

Прочитал я как-то, теперь уж подзабылось — где, кажется, в «Записных книжках» князя Петра Андреевича Вяземского, что в делях лесов Южной Америки живут такие попугаи, которые, переговариваясь между собой и братьями из соседних попугайевых ойкумен, выкрикивают слова из ныне мертвых языков, какими пользовались когда-то исчезнувшие с лица земли народы майя, ацтеки, ольмеки и прочие чучмеки.

Жаль, очень жаль, что во время, так сказать, открытия сих попугаев, знатоков ныне утерянных человечеством древнейших наречий, лингвисты не имели современной записывающей техники. Ведь записи попугайих переключек оказали бы миру ученых неоценимую помощь в расшифровке текстов, дошедших до нас майянских наскальных криптограмм.

Но это я так, к слову.

..Иногда между попугаями соседних амазонских ойкумен случались дикие потасовки — пух летел, и были даже жертвы. Стычки бывали в тех случаях, если попугай — «ольмек». Тогда дерущихся растаскивали более мудрые попугаи — «майя».

Ну да, ладно, бог с ними, южно-американскими говорящими попугаями. У нас, оказывается, своих не перечеть — поющих. Послушаем.

..Как-то поздним вечером я включил свою маленькую изящную магнитошку и, настроив ее на «маяк», — передавали концерт по заявкам радиослушателей — присел к рабочему своему столу, раскрыл записки о России французского борзописца маркиза Астольфа де Кюстина, вздохнул последним аккордам романса Анны Герман «Гори, гори, моя звезда» и уткнулся в книгу. Зачитался и забылся, увлекшись кюстинским описанием белых ночей над Санкт-Петербургом лета 1839 года. Ведь интересно же побывать, пусть даже мысленно, там, где никогда уже не сможешь побывать!.. И вдруг, будто кирпичом по макушке! — дикий вопль над самым ухом! Так орут по ночам кошки, очумелые от мартовского кошачьего счастья: «А-а-а! Ы-ы! Ы!!!» Я от неожиданности даже подпрыгнул и едва со стула не упал. Не сразу сообразив, кто и где блажит, я с молнией мысли под черепом: «Уж не попугай ли с Амазонки!?» — метнулся к полуоткрытому окну, лихорадочно захлопнул створку и, судорожно переведа дух, уставился немигающе на свою изящную магнитошку. Из нее в каком-то истеричном завоё кто-то женским полусумасшедшим криком упрашивал кого-то «придумать что-нибудь». И тут же снова душераздирающий вопль: «А-а-а!» Вздрогнув плечами и окончательно придя в себя, я все понял и хотел было выдернуть штепсель из розетки, но рука сама собой потянулась к «шайбе» регулятора громкости, чтобы уменьшить звук. Я узнал певичку по голосу и решил дослушать ее песню-крик до конца.

Над головой, в квартире этажом выше, громко захныкал напуганный песней ребенок, вкрадчиво постучали по трубе отопления. Я понял сигнал соседей, еще больше уменьшил ор из динамика и, уговорив себя прослушать весь концерт, удобно разместился на диване. В эту минуту «звезда эстрады», мигнув последним лучом, перестала нестерпимо мерцать, а дикторша конфетно-сладким голоском

объявила выход к микрофону другого облагораживателя наших душ. Им оказался исполнитель «новых эзковских песен».

В столичном микрофоне что-то щелкнуло, потом похрюкало забавным речитативом и вдруг под неистовое колотье колотушками по коже барабана и по чему-то звучному металлическому, сдобренное басовым гитарным «брунди-брунди», кто-то взвыл, будто посаженный на кол. «И это культура? — успел подумать я. — Господи, сохрани и прonesи!». А голос певца заходился тоской голодного волка по какой-то красотке, которая осталась там, за тюремной оградой, которая обещала ждать. Дай-то бог, чтоб дождалась. А лучше бы не попадать на тюремные нары, не изводить душу стекленеющей тоской по той, кто «ждет».

Очередная певичка тоненьким вихляющимся голоском старалась осветить душу, прежде всего, того, кто прислал заявку на ее песню:

Возьму гитару,
Сядь со мною рядом,
Будем рисовать!

Читатель, ты что-нибудь понял?.. Я-то понял. Зачем кто-то, с умыслом или не умея, пишет подобные «стихи», а другой, похоже, «композитор из подворотни», перекладывает подобную белиберду на «музыку». Кто же когда рисовал гитарой?! Кому нужны подобные песенки-опенки? Хорошо, я невольно соглашусь, что нынче все, кто не умеет или не желает работать, кто не способен торговать, кинулись толпой на эстрадные «пяточки», чтобы заработать на хлеб. Ну и пусть бы зарабатывали его в детсадах или школах, но зачем же подобные творения выпускать в эфир? Разве организаторы передач не понимают этого? Понимают! Они знают, что перед микрофоном «большого» эфира все эти ревущие дурниной и мяукающие по-котьячи заработают больше, а это значит, что организатор передачи тоже получит побольше. Государство тоже не внакладе останется: с гонора, каким бы он ни был, процентик-то, будь добр, отдай. И министерство культуры России смотрит на все это сквозь батистовый платочек. Кто там сидит, в министерстве?!

У французов есть замечательная поговорка: «Что нелепо, то не для нас!» А для нас, россиян, получается, что все нелепое лепо? Вот она — истина ханжей! А если это — умысел!

Ладно, пусть девчонки и мальчишки забавляются своими песенками-опенками. И хоть это печально, но может быть, со временем кто-нибудь из них станет Владимиром Трошиным или Анной Герман. Но какую словесную чушь гонит нам в уши сегодня «звездешная звезда» нашей эстрады? Вслушаемся, о чем поет А. Пугачева?

Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты.

И эта мешанина слов подаётся нам из уст «звезды» как песенный шедевр!

..Как не вспомнишь свою юность, освещенную песнями Гелены Великановой, Анны Герман, Майи Кристаллинской, Ружены Сикоры, Владимира Трошина, Юрия Гуляева?..

Эти имена незабываемы.

Антон Краюхин.

НА СУРОВОЙ ТРОПЕ

С Евгением Веком (Кононовым) из Радужного мы впервые встретились на литературном семинаре в Тюмени. Он представлял для обсуждения цикл коротких новелл под общим заглавием «Русь». Уже тогда в молодом литераторе просматривался самобытный прозаик, хорошо владеющий словом.

Наиболее впечатляющими были главы из повести «Толпа» — о юных рэкетирах. Пока школьники, а точнее, начинающие разбойнички, в соответствующей обстановке они быстро матерятся, превращаясь в профессиональных бандитов — контингент для исправительно-трудовых колоний...

Я ничего подобного не встречал в детективном жанре на современные темы. От главы к главе писатель раскрывает все глубже это печальное «взращение». Повесть читается легко, она впечатляет своей доходчивостью и в перспективе обещает стать программной для читателя и автора.

И вот «Толпа» — первая книга прозаика, вышедшая в издательстве «Приобье». Трудно создавал ее автор, выбирая из написанного лучшее. Но именно такая трудность и присуща истинному писателю. Легких путей в литературе не бывает. И Евгений это усвоил для себя на семинаре и при работе с редактором. Он не обольщается первым результатом, снова и снова обращается к уже написанному, анализирует, делает выводы на будущее.

Рассказы включенные в книгу, разноплановые, не все они и равноценны. Но — из души, от сердца.

Знаю мнение об этой книге, что, мол, при всех похвалах, она распадается на три составных части: повесть, рассказы, стихи. Но ведь стихи в свои книги прозы включали, к примеру, Бунин и Тургенев. Такое допускается, если это настоящее, мастеровитое. Считаю, что разные жанры дополняют один другой, делают полнотражней, объемней лицо автора.

Вот строфа из прекрасного стихотворения Е. Века «Бультерьер»:

Я кривую атаки своей изогну,
Трепещу и к земле припадаю,
Догоню, обгоню, но в глаза загляну:
«Приготовьтесь, враги, нападаю!».

Точно, емко, экспрессивно!

Мне часто сейчас приходится читать рукописи разновозрастных авторов, они, как правило, очень средние, если не хуже. А каковы рукописи — таковы и книги. Даже самая первоклассная полиграфия не спасает.

«Толпа» из другого ряда книг. Ей уготована, уверен, долгая жизнь.

Дальнейших свершений тебе, Евгений Век, на суровой литературной тропе!

Николай Смирнов,
член Союза писателей России.

ЭТО БЫЛО В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Сегодня трудно представить, что более семидесяти лет назад на территории бывшего Сургутского уезда бушевало народное восстание. Гражданская война не миновала и Тюменского севера. Ее отголоском стал вооруженный протест местного населения против политики военного коммунизма, проводимой большевиками. Да, в 1921 году здесь звучали выстрелы, погибали люди и решался вопрос — кто же победит окончательно: белые или красные?

События тех лет отражены в книге нижевартовского писателя Николая Смирнова «Мятеж». Об этих событиях старались долгое время не вспоминать, тема была запретной.

Николаю Павловичу Смирнову представилась возможность восстановить исторические реалии, объективную оценку событий тех кровавых лет. Материал повести собирался долго, более десяти лет. Тогда еще были живы очевидцы и участники тех событий в Приобье. Через руки писателя прошло и большое количество архивных документов. Словом, материал книги добывался по крупному. Тем он и ценнее!

Так, в некоторых документах и рассказах очевидцев упоминалось имя разведчицы Сони Мамаевой, которая работала секретарем-машинисткой в штабе у красных. Она сыграла не последнюю роль в восстании, добытые ею данные передавались мятежникам, и те упреждали события, наносили красным ощутимые поражения. Восемнадцатилетняя героиня повести, погибнув, вызывает у читателей не только скорбь, но и уважение, ведь стать разведчицей ее никто не принуждал и не просил. Она сама вызвалась работать на восставших во имя своих убеждений. И таких носителей ИНОЙ правды в книге немало. Автор показывает их объективно, не приукрашивая и не принижая. Такими, какими они были в жизни.

Страницы повести во многом перекликаются с современностью, цель книги, по мнению автора, в том, чтобы не было в жизни и в государстве противостояний, в мире должно быть больше согласия. «Истина вроде бы простая, но она часто забывается, и снова схватки, снова борьба, льется кровь. Больше пользы будет, если будем честно работать, понимать друг друга, и думать о том, как сделать нашу жизнь лучше».

Елена Юдина,
г. Нижневартовск.

СРЕДИ ПРИРОДЫ РУССКОЙ

Облик лирической героини стихов Веры Худяковой (сборник «Рябины») скромен и душевно чист, интонация стихотворений искренна и простодушна.

Живу в плену я истины простой,
Где места нет ни славе, ни тщеславию:
Я в этот мир пришла за красотой,
И красоту на этом свете славлю.

Не случаен заголовок сборника — «Рябины». В нем обозначена сквозная метафора. Рябина — яркая, огненная, пылающая, красивая, но в то же время горькая, как судьба поэтессы, как жизнь в России. Это стройное, изящное дерево — образ родины, осеннего костра, трепетного, горячего сердца.

Горчит полынь, горчит рябина —
И мне такая же судьбина.

В выборе тем В. Худякова, естественно, опирается на традицию русской поэзии, но каждую раскрывает по-своему, неожиданно, свободно, отходя от общих правил. Живописно рисует поэт родные места, рассказывает о чувствах, которые испытывает, когда провожает журавлей, слушает «серебряные крики» птиц, наблюдает за листопадом...

Она своя среди русской природы, это ее мир, источник чистой энергии, силы; лес, трава, тихая речка — ее лучшие друзья, которые излучают от человеческой злобы, предательства, лести. Здесь рождается ее творчество, творчество чистой, самозабвенной любви к родной земле, ее душа вспыхивает от волнения: «Неужто я — поэт?! А поэту не нужно никаких похвал, громких слов.

Открылась вдруг к земле моей любовь,
Как самая высокая награда.

Привязанность к родному очагу тесно связана с дорогами сердца воспоминаниями о родителях, о детстве, поре, когда наивно кажется, что можно завоевать весь мир, когда ничего не страшно.

И уже тогда понимая, что «папка — простой рабочий», «что мама от нужды устала», В. Худякова сохранила в памяти светлые, радостные моменты:

И пела отцова гармошка,
Светлела за прялкой мать.

Поэтессу не прельщает городской шум и суета, ее любовь к деревне глубока и безгранична. Любая деревенская работа: пасти коров или быть на покосе — помимо приятной усталости приносит радость и удовлетворение, каждая встреча с природой дарит новое ощущение, умиротворенность. Русскую простонародную речь, большое количество диалектных слов использует В. Худякова в стихотворении «Корова». Но слова не звучат грубо, напротив, здесь они оправданны: только таким образом поэтесса смогла необычайно точно и ярко выразить и передать отношения между заботливой хозяйкой и коровой-кормилицей. У В. Худяковой особая мелодичность, напевность стиха. Это делает стихи похожими на русские народные песни.

Вера Худякова — поэт деревни, воспевающий мир дома, мир родной природы, ощущающей себя частью драгоценной природной души:

Я с небесною силой
Незримую чувствую нить.
Только б не оступиться,
Не ослабеть от сомнений.

Поэтесса любит стихи Николая Рубцова, посвящает ему свои строки.

А вдруг смогу я в небе над Россией
Еще одну, свою звезду зажечь?

Из сочинения Анны Непеиной,
ученицы лицея № 34
г. Тюмени.

Тюменские сатанисты

Читающая публика, надеюсь, помнит материал журналиста Леонида Иванова «Игры дьявола», напечатанный в «Труде-7» от 19 июня с. г. Факты, положенные в основу этой статьи, взяты из материалов Федеральной службы безопасности и «собственноручно написанных документов» самих сатанистов, кажется, ни у кого не должны вызывать сомнения. Однако... Напомню кратко содержание статьи «Игры дьявола». Тюменская молодежь, в том числе студенты университета, участвовали в «черных мессах» с ритуальным «приращением» кровью животных, в пьяных оргиях с групповым сексом и видеозаписью для будущего шантажа участников «игрищ», в избиениях сотоварищей при попытке их выйти из секты...

Какова была реакция общественности и правоохранительных органов на эту публикацию, потрясающую воображение?

Представители Общества защиты православной нравственности и Общества русской культуры встретились с работниками ФСБ, которые еще раз подтвердили достоверность материалов статьи Л. Иванова и сообщили, что в «настоящее время участники сект подавлены, деморализованы и раскаялись в случившемся, поскольку их действия, преступные по существу, перешагнувшие всякую мораль и нравственность, могли быть квалифицированы как хулиганские и остались без внимания УВД только потому, что пострадавшие не возбуждали уголовных дел.

И все же работники университета, защищая честь мундира, до сих пор высказывают недоверие к статье Л. Иванова, закрывая глаза на реальность произошедшего.

Да, у атеистов из университета, понимаю, главный бог — наука и образование. Но оторванный от культуры и нравственности, этот «бог» ужасен. Спрашивается: нужны ли обществу образованные выпускники вуза — нравственные уроды? Много они «дров» нарубят! И уже нарубили.

Обеспокоенным тюменцам хотелось бы верить в достаточность принятых сотрудниками ФСБ мер, если бы речь шла о случайности, которая не повторится. Сатанизм — это явление не только не понятие светскими органами правопорядка, опасно то, что с позиций атеистов они не могут его обезопасить. «По данным МВД нынче только в Москве около 20 направлений сатанинских сект... общим числом около двух тысяч человек, — пишет В. Смирнов в статье «Дьявол на постое» («Труд-7» от 11 сентября с. г.). Сатанинские секты живут и процветают в С-Петербурге, Астрахани, Белгороде, Брянске, Владивостоке, Воронеже, Екатеринбурге, Твери, Ставрополе и многих других городах «новой, демократической» России. В статье В. Смирнова рассказывается о задержании органами УВД сатанистов, убивших пятерых своих членов при их попытке порвать с сектой.

Идеология сатанизма, в которой христианские добродетели рассматриваются как пороки, а пороки как

добродетели, неотвратимо приводят человека к нарушению законов нравственности и человеческого общежития. Это раковая опухоль общества. От кого ждать помощи? Казалось бы, от гуманитариев! Но они заняты «отбеливанием платья», прячут голову в песок, как в Тюмени. Или проявляют неуместную агрессивность.

Сотрудники тюменского «Радио-7», пригласив Л. Иванова для беседы 23 сентября с. г., в течение двух часов эфирного времени с неясным для слушателей упорством отстаивали право сатанистов на комфортное существование. Автору статьи задавали вопросы подтверждающие сомнению достоверность его выступления в газете, приписывали ему нарушения закона об оперативно-розыскной деятельности, выставляли его «клеветником тридцатых годов». И, наконец, торжественно представили ему одного из «героев статьи» — преподавателя-психолога ТГУ И. Варкина — ветерана толкиннистского движения, пишущего диссертацию о сюжетно-ролевых играх. Варкин попытался свести диалог к разговору о полезности сюжетно-ролевых игр, уводя беседу в сторону. «Чем больше людей будет вовлечено в махание деревянными мечами, тем меньше будет махать цепями и ножами». Вот так! Накопилось в человеке недовольство, а тут И. Варкин с «деревянным мечом»!

Когда недоумение слушателей радиопередачи достигло предела, в студию стали поступать звонки: «Почему на «Радио-7» идет реклама сатанинского движения?» Другой: «Почему идет разговор о «ролевых играх»? Это ведь реальные люди! И они занимаются групповым сексом и прочими подобными «прелестями». Напомню, один из таких «ролевиков» отвечал за связи с криминальными структурами, а ряд «девочек» использовали по вызову для пополнения кассы секты. Вот такие «ролевики»!

Свою журналистскую позицию ведущие передачи Р. Мамонтов и А. Лагутин объясняли желанием предотвратить ажиотаж и «надвигающийся на тюменскую молодежь вал обвинений в сатанизме».

Из тех же, вероятно, соображений ни одна из местных тюменских газет не перепечатала актуальную статью Л. Иванова «Игры дьявола». Перепечатывают же порой разное «жареное», а тут перестраховались, не поддержали смелого коллегу.

Уверена, светскими законами и методами государства не справиться с опасным явлением. Да, не справиться без помощи Церкви, имеющей двухтысячелетний опыт борьбы с сатанизмом. И что? Будем упорствовать в невежестве, цена которому — наши дети?! Работы же для гуманитариев — непочатый, как говорится, край, на нее должны отпускаться и государственные средства. А пока тюменские православные организации проводят образовательные Димитровские чтения. Всех, кто обеспокоен вопросами педагогики и воспитания, приглашаем принять участие. Справки по телефону: 43-32-58.

Татьяна Гуськова,
председатель Общества
защиты православной нравственности.

г. Тюмень.

К СВЕДЕНИЮ писателей, поэтов, публицистов

Готовится к выходу 50-й (юбилейный) номер газеты «Тюмень литературная». Он будет посвящен 35-летию Тюменской областной писательской организации.

Приглашаем принять участие в публикациях этого номера, который редакция намерена выпустить в журнальном варианте. Талантливые произведения прозы, стихи и публицистику присылайте по адресу: 625018, Тюмень, Дом Советов, для «Тюмени литературной».

Редакция «ТЛ».

Вышли книги наших авторов

Анатолий Марласов «Раздумья», книга стихов, Издательский дом «Подкова». Тираж 1000 экз.

Станислав Ломакин «Нет без малой родины родины большой...», публицистические статьи, издательство Тюменского госуниверситета. Тираж 1000 экз.

Валентин Овсянников-Заярский «Любимой», стихотворения. Книга вышла в прекрасном полиграфическом исполнении в Средне-Уральском книжном издательстве, подготовлена и отредактирована в редакции «Тюмени литературной». Тираж 5000 экз.

Вера Худякова «От лета до весны», стихотворения. Второй сборник поэтессы из села Коммунар Исетского района. Книга издана в серии «Библиотека поэзии газеты «Тюмень литературная». Тираж 1000 экз.

Николай Денисов «Под звездами разных широт», художественные очерки о дальних морских плаваниях автора на судах торгового флота, новеллы о друзьях-поэтах, зарисовки. Книга вышла в издательстве «Исеть» в серии «Библиотека прозы газеты «Тюмень литературная». Тираж 1000 экз.

Николай Смирнов «На стремнине жизни», том I избранных публицистических и художественных произведений. Книга вышла в Средне-Уральском книжном издательстве. Тираж 2000 экз.

«Поваренная книжка топографа и геодезиста», составитель и редактор наш автор — прозаик и бывалый человек Александр Кравцов. Серия «Библиотека газеты «Тюмень литературная». Тираж 2000 экз.

Владимир Мазин «Ларьякский голос», сборник стихотворений. Издательство «Приобье», Нижневартовск. Тираж 1000 экз.

Борис Комаров «Я этой жизнью не могу нажиться», сборник стихотворений. Тюмень. Тираж 950 экз.

Александр Мищенко «Выстрелы на Ильегане», проза, публицистика. г. Екатеринбург. Тираж 1000 экз.

РУССКО-БРИТАНСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА УПРАВЛЕНИЯ

объявляет прием слушателей на курсы дистанционного (по переписке с Москвой) обучения «Ревизия и налоговый контроль» с выдачей по окончании профессионального аттестата ФИНАНСОВОГО ИНСПЕКТОРА. Срок обучения 1 год — по стоимости 90 руб. в месяц. Тел. представителя в Тюмени (3452) 21-38-61.

Выдающиеся государственные и военные деятели России и СССР

Михаил Илларионович Кутузов
1745–1813

*Победительница тюменского областного
конкурса красоты — «Мисс очарование» —
Елена Кожухарь*

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская областная писательская организация, коллектив редакции, ТАЛ.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.1991 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в Шадринском ПО «Исеть» комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курганской обл., 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 20 ноября 1998 г.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 1972.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка Елены ВАНЬНЕВОЙ.

Корректор Елена АНТРОПОВА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

